

ЛОРИ М. ЛИ

ЛЕС
ДУШ

Чем сильнее магия,
тем страшнее
последствия

Young Adult. Легенды о шаманах. Трилогия Лори М. Ли

Лори Ли

Лес душ

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ли Л. М.

Лес душ / Л. М. Ли — «Эксмо», 2020 — (Young Adult. Легенды о шаманах. Трилогия Лори М. Ли)

ISBN 978-5-04-158303-3

Сирша Ашвин привыкла, что за все в жизни надо бороться. Она рано лишилась родителей, выросла в сиротском приюте и ничего не знает о своем происхождении. Но это не мешает ей верить в мечту – стать Тенью, главным королевским шпионом. Однажды, когда она вместе с подругой Саенго выполняет секретное поручение, на них нападают шаманы враждебной древней расы. Саенго погибает, но Сирше удастся вернуть подругу к жизни. Теперь она знает, что тоже принадлежит к расе шаманов и обладает редким даром исцелять погибшие души. Впереди у нее опасное приключение – поход в Мертвый Лес, деревья которого несут угрозу всему живому. Сможет ли она развить свои способности и усмирить души Мертвого Леса?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-158303-3

© Ли Л. М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Словарь	6
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лори М. Ли

Лес душ

Посвящается каждому, кто когда-либо думал, что недостойн

Lori M. Lee
FOREST OF SOULS

Copyright © 2020 Lori M. Lee

© Д. Кандалинцева, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Словарь

ТИЙ (произносится как *ТИ-ий*, ударение на первый слог) – огромный континент, состоящий из трех отдельных государств: королевства Эвейвин, Ньювалинской империи и земель Казаина.

Мертвый Лес – старинный Лес, в котором можно найти лишь мертвые деревья, захваченные злыми, жаждущими мести душами.

Драгуль – подвид драконисов, чьей исторической родиной обитания является королевство Эвейвин, живут в заповедниках, и позволить себе содержать их могут лишь люди дворянских и благородных кровей. Также являются скакунами королевской стражи.

Дрейк – самый распространенный подвид драконисов, очень большие и сильные, используются как вьючные животные, а также для передвижения людей.

Драконисы – гигантские двуногие ящерицы. У них мощные, сильные спины и лапы с короткими когтями на пальцах; огромные головы под стать длинным, тяжелым хвостам. Размеры и формы их голов могут отличаться в зависимости от подвида. Чешуйчатые тела могут быть различных цветов и оттенков.

Сокол – почтовая птица, обученная доставлять короткие послания и/или срочную корреспонденцию между различными опорными пунктами земель Тия. Соколами управляют местные магистры, специализирующиеся на изучении соколов.

Человек – одна из трех доминирующих рас на Тии, у которой, однако, нет способностей или дара использовать магию. Говорят, что люди были созданы из костей падшего бога солнца, из-за чего получились слишком твердолобыми, поэтому магия не может подобраться к их душам.

Тенеблагословленный – одна из трех доминирующих рас на Тии, которая обладает талантом управлять и манипулировать тенями. Говорят, тенеблагословленные были созданы из крови и ихора падшего бога солнца, что даровало им способности использовать магию, властвующую над темными элементами.

Шаман – одна из трех доминирующих рас на Тии. Говорят, что шаманы были созданы из трех осколков души падшего бога солнца, что даровало им силы контролировать элементы и власть прикасаться к душам других.

ЭВЕЙВИН (произносится как *Э-вей-вин*, с ударением на первый слог) – королевство, которым правят люди; население Эвейвина также по большей части состоит из людей.

Блейды – элитные воины Эвейвина.

Бирт – огромный портовый город на западном побережье Эвейвина.

Старуха-демоница – старшая из Сестер. Она является хранительницей земли. На портретах изображается как очень старая, показывая тем самым дряхлость самого мира, и уродливая, потому что она отдавала всю свою красоту земле, ничего не оставив для себя. Ее кожа темная, как кора дерева, а волосы тонки и бледны, как нити паучьих сетей. Ей возносят дань каждый первый день весны.

Соколиная воительница – третья по старшинству из Сестер. Она является защитницей. Пилигримы и путешественники часто молятся именно ей, прося о безопасной дороге, а солдаты просят ее покровительства и помощи, когда жаждут одержать победу в битве. Ей возносят дань каждый первый день зимы.

Хатчлеты (Гильдия королевы) – ученики, обучающиеся первый год в Гильдии королевы. Им обрезают головы, чтобы они были похожи на новорожденных. Они носят желтые пояса.

Монахи – хранители храмов и верные последователи Святилища Сестер.

Мать-змея – вторая по старшинству из Сестер. Она является сторожем и оберегает тех, кто ей предан. Она воспитывает веру и награждает своих последователей. Ей возносят дань в день летнего солнцестояния.

Гильдия принца (принцессы) – обязательная подготовительная школа, где все дети, как крестьянского, так и дворянского происхождения в возрасте от одиннадцати до тринадцати лет, живут в закрытом кампусе в столице Вос-Тальвин в течение трех лет. Их обучают основным предметам, таким как история, медицина и некоторым другим наукам, в дополнение к обучению преподают боевую подготовку, обучают сражаться и использовать оружие. Вторым ребенком, рожденным у правящего монарха, является главой и руководит Гильдией.

Гильдия королевы (короля) – необязательная добровольная школа, позволяющая завершить финальную стадию обучения после Гильдии принца для тех, кто желает вступить в ряды королевской армии или королевского войска. Включает в себя четыре года тренировок, а также углубленное изучение истории, математики, тактики ведения войны и другие предметы. Каждый год ученики зарабатывают новый титул: хатчлеты (или новорожденные), вейны (или отлученные), вирлинги (или познавшие), виверны (или уподобленные драконам).

Тень королевы (короля) – главный шпион, которого нанимает королева/король Эвейвина, он доставляет секретные послания за границу и в пределах страны королеве/королю. Иногда Тень также выполняет работу наемного убийцы.

Рейвин – титул, который носят знатные люди в Эвейвине.

Святилище Сестер – основная религия в Эвейвине. Обычно называют Сестрами: Старуха-демоница, Мать-змея, Соколиная воительница и Близнецы.

Рожденные шаманами – шаманы из Эвейвина; больше ничем не отличаются от шаманов из Ньювалинской империи.

Близнецы – младшие из Сестер. Сияющий близнец (приносит удачу) и Бледный близнец (приносит беды и несчастья). Они выглядят как юные девушки с бледной, точно луна, кожей и темными, словно ночь, волосами. Никогда невозможно сказать наверняка, кто из них приносит несчастья, а кто удачу. Однако Сияющего близнеца обычно можно отличить по звездам, вплетенным в ее волосы. Бледный же близнец носит корону в виде серебряной луны. Сестра удачи обычно сдерживает вторую, однако если Бледная Сестра пришла одна, это очень плохое предзнаменование.

Вос-Тальвин (произносится как *Вос-ТАЛЬ-вин* – ударение на второй слог) – главный город и столица Эвейвина.

Вейны (Гильдия королевы) – ученики второго года обучения в Гильдии королевы. Они носят зеленые пояса.

Вирлинги (Гильдия королевы) – ученики третьего года обучения в Гильдии королевы. Их волосы уже вырастают достаточно длинными, чтобы собрать на затылке в волчий хвост. Они носят синие пояса.

Виверны (Гильдия королевы) – ученики четвертого, финального года обучения в Гильдии королевы. Их волосы уже достаточно длинные, чтобы получить право заплетать их в косы и украшать перьями. Они носят красные пояса.

Ньювалинская империя, или НЬЮВАЛЬ (произносится как *Нью-ВАЛЬ*, ударение на последний слог), – королевство, которым правят шаманы и которое населено преимущественно шаманами.

Дыхатели – шаманы-воздушники, способные повелевать ветром, преображая его, или же заставить кого-либо задохнуться, вытянув весь воздух из легких противника. Они также умеют красть человеческие голоса и безупречно пародировать их.

Брумисы (произносится как *БРУ-ми-сы*, ударение на первый слог) – шаманы-воздушники, способные повелевать ветром, преображая его, или же вызывать туман, а также создавать чудовищ из грозовых туч. Они используют магическую атаку или заклинание, при котором магическое воздействие способно проходить сквозь них, не нанося ущерб; однако это не работает с физическими атаками.

Бернеры – шаманы-пламенители, способные повелевать огнем, вызывать его и манипулировать. Самые могущественные из них даже способны создавать чудовищ из чистого огня и серы, которые будут защищать своих хозяев и сражаться на их стороне.

Драгокин – подвид драконисов, который обитает исключительно в Ньювалинской империи. Они приручаются и используются для верховой езды, выбираются для каждого шамана раз и на всю жизнь, являются их напарниками. Их чешуя рассеивает свет и может отличаться по оттенкам, на голове у них есть четыре рога цвета слоновой кости или черного цвета, они очень быстро скачут. Драгокины способны подсакивать в воздух во время битвы, нападать и растерзывать своего соперника когтями, в то время как их наездники нападают с помощью оружия.

Земельники – шаманы, обладающие одним из трех ремесел, позволяющих менять структуры почвы: форджеры, терранисы и стоунскины. Их отличительным признаком являются глаза цвета изумрудов.

Фамильяры – души зверей, которые воплощены шаманами в физической форме с помощью магии после смерти. Иногда их называют Маленькими Богами. Когда создаются узы, фамильяры получают возможность использовать магию шамана, которая и придает им физическую оболочку. Взамен шаман использует фамильяра как канал связи, через который получает доступ к магии.

Пламенители – шаманы, обладающие одним из трех ремесел трансформировать огонь: бернеры, вирмины и консьюмеры огня. Их отличительным признаком являются глаза цвета рубинов.

Консьюмеры огня – шаманы-пламенители, которые способны сами превращаться в дым и огонь.

Форджеры – шаманы-земельники, которые способны управлять и манипулировать металлами. Из них получают талантливые кузнецы и ремесленники.

Светодарители – шаманы-сиятели, которые способны красть «свет», или жизнь, у одного и отдать другому или же оставить чужую жизненную энергию себе.

Сиятели – шаманы, обладающие одним из четырех ремесел трансформировать свет: светосшиватели, светодарители, целители душ или губители душ. Их отличительным признаком являются глаза цвета топаза или янтаря.

Мирриим (произносится как *МИР-ри-им*, ударение на первый слог) – столица Ньювалинской империи. Лишь шаманы могут войти на территорию ее земель, так как на город наложены магические чары.

Шаманское призвание – пять магических элементов, согласно которым распределяется каждый из ньювалинских шаманов: огонь, земля, ветер, вода и свет. Каждое призвание имеет три (или четыре) ремесла.

Шаманское ремесло – особый магический талант, которым владеет шаман.

Целители душ – шаманы-сиятели, которые способны направлять души, помогая им после смерти пройти путь в загробный мир или обратно в мир живых. Ныне живущие уже и не помнят, чтобы хоть раз на протяжении всей истории появлялся целитель душ. Существует лишь одна история, согласно которой основатель Мирриима, наложивший на город чары, являлся таковым.

Губители душ – шаманы-сиятели, которые способны вырывать душу из тела животного; очень редко появляются и такие, которые способны вырвать душу не только из животного, но и из человека или другого шамана.

Сеяльщики – шаманы-водники, способные с помощью магии ускорять рост растений и помогать семенам прорасти.

Светосшиватели – шаманы-сиятели, которые способны собирать и создавать свет даже в темноте. Они также умеют использовать свою магию, чтобы сшивать свет внутри других людей. Являются талантливыми врачами.

Стоунскины – шаманы-земельники, которые способны превращать самих себя в камень. Тем не менее они по-прежнему могут двигаться, превратившись в камень, из-за чего их кожа практически неразрушима, и они обладают удивительной силой в подобном состоянии. Продолжительность времени, на которое они могут обращаться в камень, ограничена.

Суриаль (произносится как *Су-РИ-аль*, ударение на второй слог) – бог солнца, из которого, как гласят легенды, были созданы все расы. Ему поклоняются шаманы.

Темперсты – шаманы-воздушники, которые способны вызывать и управлять ветром и бризом, а также бушующими бурями. Самые могущественные даже способны вызвать ураганы и смерчи.

Терранисы (произносится как *ТЕР-ра-ни-сы*, ударение на первый слог) – шаманы-земельники, которые способны двигать почву и скалы. Самые могущественные из них даже способны вызывать землетрясения или же создавать чудовищ из камней и земли, которые сражаются в битве на их стороне.

Правдоискатели – шаманы-водники, которые могут использовать воду как источник для поиска истины. Они также могут сказать, кто говорит правду, а кто лжет.

Вортисы (произносится как *ВОР-ти-сы*, ударение на первый слог) – шаманы-водники, способные управлять и манипулировать водой. Самые могущественные из них даже способны вызывать волны приливов и отливов или же создавать водяных чудовищ, которые сражаются в битве на их стороне.

Водники – шаманы, обладающие одним из трех ремесел, с помощью которых могут повелевать водой: сеяльщики, вортисы или правдоискатели. Их отличительным признаком являются глаза цвета сапфиров.

Воздушники – шаманы, обладающие одним из трех ремесел, с помощью которых могут управлять и повелевать ветром: темперсты, брумисы или дыхатели. Их отличительным признаком являются глаза цвета аметистов.

Вирмины – шаманы-пламенители, способные повышать температуру какого-либо объекта, воздуха или человека. Могут в прямом смысле вскипятить кровь человека или расплавить железное оружие своего противника.

Казаин (произносится как *Ка-за-ИН*, ударение на третий слог) – королевство, основная часть населения которого состоит из кланов тенеблагословленных.

Обречители – тенеблагословленные, наделенные талантом создавать полнейшую тьму.

Заклинатели – тенеблагословленные, наделенные талантом переносить свойства драгоценных камней на оружие, например прочность алмазов или цвет рубинов. Также способны временно передавать некоторые качества другим людям и животным.

Огнерожденные владыки – один из самых могущественных кланов в Казаине. Говорят, магия их верховной королевы пахнет как сера, а также считается, что она способна извергать пламя.

Работники плоти – тенеблагословленные, наделенные талантом управлять и манипулировать плотью и костями. Известны как великолепные врачеватели и смертельно опасные воины.

Ворота – тенеблагословленные, наделенные талантом создавать дверные проемы сквозь тьму и перемещаться на большие расстояния мгновенно.

Хатчлет – новорожденный виверн.

Хлау – титул казаинского принца.

Некромант – могущественный тенеблагословленный, способный управлять мертвыми телами и приказывать им подняться (не наделяя душой).

Пенумбрия (произносится как *Пе-НУМ-бри-я*, ударение на второй слог) – один из крупнейших городов в Казаине; расположен в тайном месте, поэтому туда можно попасть лишь с помощью теневой магии.

Мастера Теней – тенеблагословленные, наделенные талантом управлять тенями.

Вин – молодой виверн, который еще не научился летать.

Вирлинг – юный виверн, который научился летать, но еще не полностью вырос.

Виверн – крылатое существо, чьей естественной средой обитания являются Казаинские горы. Хотя его тело и покрыто чешуей, у него длинный, похожий на плеть хвост, однако на кончике хвоста у него можно увидеть сверкающие перья. Также перьями покрыты суставы его конечностей, а иногда и голова. Виверны быстро летают и бегают. Также являются компаньонами тенеблагословленных. В некоторых кланах обряд взросления подразумевает поимку и укрощение виверна. Они становятся компаньонами до конца жизни, даже отправляются на битвы вместе со своими всадниками.

Глава 1

Земля черная после ночного дождя – идеальное утро для теней.

Когда я подхожу к дверям башни своей наставницы, мои промокшие перчатки едва успевают коснуться тяжелой деревянной створки, как та уже открывается сама. С полдюжины замков шумно стучат и лязгают. На лице Кендары, слепой женщины, чьи глаза всегда замотаны шарфом, отражается поразительная презрительность.

– Сирша Ашвин, безмозглая ты дурында, – говорит она низким, кладбищенским голосом, – много же тебе потребовалось времени. – Она разговаривала со мной добрее, когда я была младше. Может, поэтому ее голос по-прежнему вызывает у меня лишь улыбку, даже когда она меня отчитывает.

– Меня не было всего час, – говорю я, захлопывая за собой дверь.

Кендара фыркает, возвращаясь к своему креслу у открытого балкона. На полу на балконе начерчен белый круг, достаточно большой, чтобы уместить двоих рукопашных бойцов. Я заработала там ран больше, чем могу сосчитать, однако эта башня является идеальным местом для проведения тренировок, она высоко и далеко от бдительных глаз народа, которым кишит дворец. На сиденье ее кресла лежит кинжал, и Кендара поднимает его с такой легкостью, будто бы видит. Садится и проверяет остроту лезвия толстой кожей на своем большом пальце.

Для того, кто видит ее впервые, она выглядит как женщина пожилого возраста, ее волосы уже поседели, и остались лишь несколько упрямых чернеющих прядей. Возрастные веснушки усеивают ее темно-бронзовую кожу, которая на несколько тонов темнее моей. Однако ее вовсе нельзя назвать немощной. Кинжал в ее руках и оружие, украшающее ее стены, вовсе не для декораций. Она королевская Тень, а последние четыре года еще и моя тайная наставница.

– Я бы управилась в два раза быстрее, – ворчит она и тянется к точильному камню, что покоится на полу. – И мне бы не потребовалось всюду хвастаться своими талантами.

Мой нос морщится, пока я снимаю перчатки. Открываю рюкзак и ишу герб, который сняла с южной сторожевой башни города. Признаю, может быть, я помахала стражникам, когда карабкалась по стенам.

– Я не хвасталась, – уже привыкла не удивляться (и перестала отрицать), когда оказывается, что Кендара знает о том, о чем никто другой не мог бы узнать. – Просто немного хотелось повеселиться.

– Тень ни по каким причинам не выдает своего присутствия. В чем же тогда смысл быть Тенью?

Я протягиваю ей герб.

– Но я ведь еще пока не Тень, – говорю я, подчеркивая интонацией слово «пока» и надеясь, что она поймет, к чему я клоню.

– И не станешь, если будешь продолжать вести себя как дура с манией величия, – точильный камень падает на пол, когда Кендара забирает герб из моих рук. Она пересекает комнату, останавливаясь у большого стола и бросает серебряную луну Эвейвина в пламя своего камина.

– Что ты творишь, полоумная ведьма? – кричу я, бросаясь к ней.

Языкам пламени требуется секунда, чтобы взяться за свою добычу, так как герб все еще влажный от дождя. Однако огонь все же успевает пробраться сквозь тонкую материю, сияя синими языками на месте вышитой паучьим шелком луны. Темная копоть тянется по трубе. Запах жжет мне ноздри, и я пытаюсь от него отмахнуться, смахнуть в сторону открытого балкона.

– Глупая девчонка, – бормочет Кендара, убирая кинжал. Она открывает шкафчик, криво висящий на стене рядом. – Я не хочу, чтобы эта гадость была в моем доме. – Осыпая меня проклятиями, она шарит по полкам, которые битком забиты всякой всячиной.

Я снова бросаю косой взгляд на камин и обгоревшие остатки герба. Не желая признавать этого, я все же ее понимаю. Когда-то на эвейвианских гербах был выткан белый сокол, вцепившийся когтями в веточку цветущей сливы. Однако когда королева Мейлир заполучила трон восемь лет назад, она сменила герб на серебряную луну, символ Бледной Сестры, что навлекает несчастья и беды.

– Поэтому ты отправила меня выкрасть герб? – спрашиваю я. Дым вьется по комнате, тусклый и едкий, жалющий глаза и оседающий у меня на языке и в глотке. Кендара все еще занята, так что я подхожу к балкону, где воздух чище.

С высоты нашей башни столица Вос-Тальвин выглядит, как огромное, неуклюжее нагромождение камней и статуй, но кое-где виднеются еще и изогнутые зеленые крыши. Дальше, за городскими стенами, земли стелются далеко на юг, точно цветущая парча, вышитая золотыми нитками раннего утра. Ленты теней тянутся вдоль горизонта, привлекая мой взгляд к восточным границам. Даже на таком расстоянии этот вид вызывает холодок, бегущий по моему позвоночнику. Мертвый Лес украшает восточную границу как морщинистая, мертвенно-черная линия сгоревшей материи.

– Я давала тебе задание выкрасть герб со сторожевой башни, – говорит Кендара, снова привлекая к себе внимание. Я возвращаюсь и сажусь рядом с камином, пока она вытаскивает что-то крошечное из шкафчика. – Но я же не говорила тебе приносить герб мне.

– Ну что ж, теперь я даже не смогу повесить его обратно, – говорю я, но наша пустая перебранка уже забыта, когда она кладет браслет на стол передо мной. Быстро глянув на Кендару, которая кивает, разрешая мне прикоснуться, я провожу пальцами по узору, выгравированному на украшении. Гладкая поверхность блестит, как белый нефрит. – Из чего он сделан?

– Из кости тролля.

Мой палец замирает на браслете. Заинтригованная, я наклоняюсь ближе, чтобы его рассмотреть. Браслет не толще, чем мой мизинец.

– Я бы и не подумала, что у троллей кости такие тонкие.

Кендара хмыкает, я давно уяснила, что она всегда так делает, когда недовольна моей необразованностью. У нее припасено для меня много разного рода хмыков.

Взяв браслет в руки, я поворачиваю его к солнцу, лучи которого просачиваются через окно балкона и рассеиваются в задымленном воздухе комнаты. Отполированная поверхность отражает красивых солнечных зайчиков, оттенки которых различаются, начиная цветом теплого масла и заканчивая насыщенным желтым, как старинные пергаменты. Ювелир, что изготовил браслет такого изогнутого вида из кости, сохранил его естественную элегантность. Металлическая застежка сделана в виде лепестков лотоса, что позволяет снять пластинку на кости и надеть браслет. Он прекрасный, но в то же время и пугающий, учитывая его происхождение.

– Это тебе, – говорит Кендара.

Я чуть не роняю украшение. Однако быстро прихожу в себя, сжимая тролличью кость в кулаке.

– Я... эм. Спасибо. Это очень... любезно. – Я шурюсь. – И непривычно. Почему ты отдашь его мне?

Кендару можно описать многими словами, но точно не как любезную женщину. Именно поэтому я и восхищаюсь ею отчасти. Она никогда не станет притворяться кем-либо, всегда останется ворчливой и прямолинейной, в любой ситуации.

Кендара отворачивается, однако я успеваю заметить, как она слегка поджимает губы. Не улыбается – Кендара вообще никогда не улыбается, – однако мышцы вокруг ее рта дрожат и изгибают губы, как будто она пытается спародировать улыбку. Однако этого вполне достаточно. Настоящая улыбка выглядела бы почти точно так же.

– Тролли являются существами медлительными, однако очень сильными, – говорит она мне. Получается, мне самой придется расшифровать назначение браслета. – Любой, кому не посчастливится попасть в лапы тролля, вряд ли проживет достаточно долго, чтобы поведать другим об этом.

– Но ты говоришь так, как будто испытала подобное на собственном опыте. – Я открываю часть кости, прикрепленную к металлическому лотосу, и обвиваю браслет вокруг своего запястья, прежде чем закрепить деталь обратно на место. Он такой легкий, что едва осязаемый.

– У меня очень много опыта, однако все это не твоего ума дело. – Кендара беспокойно перемещается по своей мастерской, возвращая флакончики с неизвестными жидкостями в шкафы, а книги складывая обратно на полки.

– К счастью, ты вряд ли столкнешься с троллями в Эвейвине. Или вообще где-либо на Тиe. Последняя их колония погибла вскоре после того, как шаманы забрали себе восточные земли.

Насколько же древний тогда этот браслет, если ни одного тролля уже нет в живых на Тиe на протяжении тысячи лет? И подобная вещь, должно быть, очень редкая и дорогая.

– Полагаю, это не означает, что ты отправишь меня на поиски свежих ребер, чтобы сделать ожерелье в комплект?

– Все знали, что троллей почти невозможно одолеть с помощью магии, – говорит она, совершенно меня игнорируя. Еще один из ее многих талантов.

И хотя я понятия не имею, зачем ей все эти книги, ведь я прочла их все, каждый томик, что она умудрилась уместить на своих бесчисленных полках, я все-таки помню один параграф, где объяснялось, как останки могущественных чудовищ, таких как тролли, сохраняют в себе некоторые магические качества, какими обладали при жизни. Шаманы часто делали амулеты, как этот браслет, из костей таких чудовищ. Однако не украшения.

– Это талисман, – говорю я, поворачивая браслет на своем запястье. Он все еще прохладный, хотя должен был уже нагреться от моего тела.

В зависимости от того, из какого существа сделан талисман, кости могут не только защищать от внешней магии, но и даровать магические таланты сами по себе. Или же усиливать и менять способности их владельца. Такие талисманы большая редкость.

Но кость тролля?

– Защита от магии, – моя улыбка становится шире, а сердце ускоряется, как птица, вспорхнувшая в небеса, которая очень долго мечтала о свободе. – У меня будет защита от магии?

Неужели момент, о котором я грезил на протяжении последних четырех лет, наконец-то настал? Неужели она наконец-то даст мне звание своего официального подмастерья?

– Почти у всех вас есть, – бормочет она. Я мысленно осыпаю ее проклятиями из-за того, что ее слова вызывают у меня дрожь – мало того, что она оскорбляет меня, намекая, что мне нужна защита, так еще и напоминает, что я не единственная из ее учеников. Осознание того – страх того, – что я с легкостью могу потерять все, ради чего трудилась все эти годы, и мое место может занять один из моих безымянных противников, никогда не покидает мои мысли.

Кендара дергает свой шарф. Несмотря на все, чему она меня научила, знаний о ее прошлом у меня до сих пор очень мало. Я не знаю, есть ли у нее семья, где она выросла, настоящее ли ее имя Кендара или как вообще выглядит верхняя часть ее лица.

Однако я научилась узнавать ее по-другому. Хотя она и требует от меня уважения и чести, которые заслуживает как человек старше меня, она ненавидит, когда ей слепо подчиняются. Кендара всегда подстрекает мою любознательность, несмотря на то что называет меня порой глупой. Она постоянно вынуждает меня преодолевать себя и проверять, как далеко я могу зайти, но только в рамках установленных ею самой правил.

Ее ярая независимость и несносная честность являются теми качествами, что изначально убедили меня довериться ей несколько лет назад; эти качества, которые, может, оскорбили бы других, для меня были достойными восхищения. Что-то, к чему стоит стремиться.

За четыре года, что я провела с ней, ее тренировки были суровыми и неумолимыми. Я крадала фрукты из королевских садов. Меня заковывали цепями и бросали в затопленный колодец. Заставляли прокрасться в логово спящих скальных скорпионов с вплетенными в мои волосы колокольчиками. Каждое задание проверяло мои навыки и мою решительность. В конце концов, задачей Тени ведь является доставлять королеве секреты как союзников, так и врагов, а также тихо убирать с ее пути любого сильного соперника. Кендара никогда не считала меня недостойной. Она одна из тех немногих людей, которая не приравнивает мои права по рождению к правам, которые я заслужила своим упорством и трудом. А когда я стану Тенью королевы, никому и не будет дела до того, кем я была раньше, учитывая, чего я достигла.

– Я слышала, ты будешь сопровождать хатчлетов в долину Крайнес сегодня, – ее губы недовольно изгибаются. Она уже не в первый раз выражает неприязнь к тюрьме. И хотя я с ней полностью согласна, у меня недостаточно смелости, чтобы отказаться. Это бы означало, что я критикую королеву, а никто, кроме Кендары, не осмеливается на подобное.

Так что я просто говорю:

– Да.

Она делает жест рукой, точно прогоняя меня.

– Ну так ступай. Они уже собираются во дворе Гильдии.

Разочарование наносит мне боль, быстро, жестоко, как и все ее удары. Мне осталось прожить в Гильдии меньше месяца до выпускного, до того, как королевская армия отправит меня черт знает куда. Меньше месяца, чтобы доказать Кендаре, что я заслуживаю остаться здесь и учиться, стать ее официальным подмастерьем. Каждый прошедший день, когда она не говорит мне о своем решении, точно удар под дых.

Проглотив свое желание возразить, сдавливающее и терзающее мне глотку, я поднимаюсь на ноги, и моя коса ударяет меня по спине. Я натягиваю рукав своей серой униформы поверх браслета и спрашиваю:

– Где ты вообще его раздобыла?

Кендара снова поднимает свой кинжал и точильный камень с пола, однако вместо того, чтобы опять садиться на свое привычное место перед балконом, она опускается в кресло-качалку у камина.

– Тень должна хранить свои секреты.

– Лишь некоторые.

– Однако сегодня следует хранить в секрете все. А теперь проваливай, безмозглый ребенок. – Она пододвигается ближе к камину, настолько близко, что я начинаю беспокоиться, не дотянутся ли до нее языки пламени. Однако, похоже, она способна запугать даже огонь, ибо тот не осмеливается даже подобраться дальше ее пальцев ног.

Мои шаги бесшумны, когда я прохожу вдоль комнаты ее мастерской. Если хоть одна половая доска скрипнет, Кендара не будет вызывать меня несколько дней. В ее присутствии быть чем-то меньшим, чем она сделала меня, станет для нее личным оскорблением.

– Спасибо за подарок, – я подхожу к двери, исцарапанной и усеянной тяжеленными замками. Прежде чем уйти, ухмыляюсь и бросаю ей через плечо: – Психованная карга.

Глава 2

Саенго уже ждет меня. Она сидит верхом на своем дрейке, рядом с тем местом, где я оставила собственного скакуна. Когда она меня замечает, ее темные брови недовольно хмурятся.

– Ты знаешь, сколько сейчас времени? – упрекает меня она, уже поворачиваясь к воротам. – Они собираются уходить. Ты что, специально делаешь все, чтобы тебя наказали?

– О, Сестры, помилуйте. А тебя пусть не милуют, – бормочу я. Приветствую Яндора, своего дрейка, крепко похлопав его по шее.

Огромная ящерица довольно оттряхивается, его темно-зеленые чешуйки дрожат при каждом движении. Схватившись за седло, я подтягиваюсь на руках и запрыгиваю Яндору на спину. Старая кожа седла скрипит. Я смахиваю волосы со своего лба, чернильно-черные пряди, которые умудрились выбиться из косы. Мои пальцы скользят по тонким шрамам на верхних изгибах моих ушей – это бессмысленное действие, появившееся в результате привычки.

Наконец я встряхиваю поводьями, и сильные лапы Яндора бросаются в бег вслед за дрейком Саенго, который уже промчался половину дороги.

– Сегодня моего терпения хватит разве что на одно дурное настроение, – говорю я. Несмотря на ворчливую натуру Кендары, мне никогда не хочется покидать ее.

– А я уже потратила все свое терпение, пока ждала тебя, – бросает мне через плечо в ответ Саенго.

Дорога ведет нас вокруг внешнего двора, а затем сворачивает с дворцовых земель. Спустя несколько минут мы уже на извилистых, устланных брусчаткой улицах Вос-Тальвина. Мы направляемся на восток, подальше от Великого дворца, чьи многослойные крыши и острые шпили, украшенные золотыми листьями, купаются в утреннем солнечном свете.

Я влюбилась в этот город в тот самый миг, как прибыла сюда семь лет назад. Ощущение было похоже на резкое погружение в ледяную воду, это был шок от увиденного для сироты в застиранных тряпках.

Дома с крышами, устланными глиняной плиткой, сбиваются в кучи, точно бездомные старики в капюшонах, которые обмениваются секретами через ажурные окошки и обшитые панелями двери. Наши скакуны несутся, огибая позолоченные кареты и их несоразмерно огромные колеса, которые грохочут бок о бок с тяжеленными телегами, запряженными сразу несколь-

кими дрейками. Мы огибаем носилки какой-то рейвинской леди, с ног до головы разодетой в бирюзовые шелка. Огибаем вечную очередь, толпящуюся у популярной забегаловки, где подают лапшу с бульоном, и неустанно восклицающих детей, собравшихся вокруг театральной тележки на углу улицы.

Виды и улицы города сегодня не особо привлекают мое внимание, я забываю обо всем едва ли не сразу же, как отворачиваю голову. Моя рука нащупывает браслет из кости тролля, спрятанный под рукавом. Скоро Кендара провозгласит меня своим официальным подмастерьем. «Скоро». Мои пальцы сжимают талисман крепче, прижимая его к руке ближе, точно это какое-то обещание.

Затем мы с Саенго сворачиваем в безлюдный переулок, по бокам которого тянутся здания, принадлежащие военным офицерам. Здесь тихо по сравнению с другими улицами города, лишь несколько солдат стоят неподалеку группкой и бормочут, что-то негромко обсуждая. Переулок выводит нас к закрытому двору Гильдии принца. Мы проезжаем мимо, едем дальше вдоль аллеи, утопающей в тени сливовых деревьев. Ворота открываются прямо в тренировочный двор достаточно крупных размеров. Длинное двухэтажное здание опоясывает двор с трех сторон. Именно в нем студенты сидят на занятиях, слушают лекции по истории, религии и о военных стратегиях.

Однако прямо сейчас почти все студенты толпятся во дворе, выстроившись рядами. Они двигаются синхронно, перемещаясь в такт знакомому мне танцу вивернов – боевому стилю наших армий. У входа стоят первогодки, хатчлеты, уже разделившись на два ряда. Их всегда легко заметить, потому что желтые пояса вокруг их талий и остриженные волосы видно издали. Неужели я тоже была такой маленькой, когда мне было четырнадцать? Помню, как мне хотелось рыдать, жалея себя, каждый раз, когда я смотрела в зеркало и видела свою обритую голову.

– Виверны! Вы опоздали!

Мой позвоночник машинально выпрямляется от одного этого голоса. Страх крадется по моим ребрам. «Нет, нет, нет», – я высвобождаюсь из седла и спрыгиваю, тут же склоняясь в глубоком поклоне, когда офицер Болдис подходит к нам, оставляя свое место у телеги с припасами.

Он не должен был быть на службе сегодня. Его имени не было в списке заступающих на караул. Похоже, что-то поменяли в последнюю минуту. Офицер, которого он заменил, был одним из немногих, которому я вроде бы пришлась по душе. Та бы максимум отругала меня за опоздание, ну и, может, заставила бы отмыть дрейков после путешествия. Если бы я знала, что офицер Болдис будет здесь сегодня, я бы сделала все, чтобы прибыть пораньше.

– Наши глубочайшие извинения, офицер Болдис, – говорит Саенго низким, подобающе безэмоциональным голосом. Она ненавидит его не меньше, чем я, однако ни за что не станет выказывать свое неуважение на публику. – Меня задержал один из заводчиков соколов, и Сирша была так добра и дождалась меня. Такого больше не повторится.

Но офицер Болдис уже вперил в меня свой полный подозрений взгляд. Саенго принадлежит одному из самых старинных рейвинских родов в Эвейвине, роду Панг. Они известны тем, что обучают лучших соколиных заводчиков в королевстве. К Саенго часто подходят другие заводчики из столицы, чтобы обсудить с ней какой-нибудь вопрос или посоветоваться, как лучше дрессировать посыльных птиц.

– Пусть даже так, – говорит офицер Болдис с насмешкой в тоне. – Ваше опоздание стоило нам лишнего времени. В качестве наказания...

Кто-то легонько кашляет за нашими спинами. Глаза Саенго широко распахиваются в тот момент, когда мы вдвоем оборачиваемся, чтобы посмотреть, кто посмел прервать самого офицера. Я жутко удивлена, увидев, что это Джонья Тао, который уже слезает со своего дрейка.

Мои руки сердито сжимаются за спиной, и я переплетаю пальцы, в то же время обмениваясь обеспокоенным взглядом с Саенго.

Джонья сначала кланяется офицеру, а затем Саенго. Саенго – его двоюродная сестра, а также будущая глава земель, принадлежащих ее роду. Хотя Джонья даже не смотрит в мою сторону, так как старше меня и более благородного происхождения, но я все равно обязана выказывать ему уважение. Моя голова наклоняется в попытке сделать поклон, который мне с трудом удастся.

Джонья говорит:

– Офицер Болдис, я считаю своим долгом доложить вам, что Панг покинула территорию Гильдии всего полчаса назад. Мы с другом были свидетелями этого.

Саенго косится на меня, ее ноздри раздуваются. Представляю, как бы уставился на меня Джонья, если бы я прямо сейчас врезала ему кулаком по челюсти.

Уголки губ офицера Болдиса ползут вниз, как будто бы подражая его кривым усам. Его тяжелые брови опускаются, надвигаясь на глаза, а его взгляд точно приближающаяся буря.

– Врать офицеру?! – Все, что он выплевывает в ответ. – Палку сюда!

Я опускаю подбородок и отвожу глаза, мысленно проклиная его на всех трех языках, которые знаю. Мои ноги только-только зажили после встречи с пожирателем шипов на прошлой неделе, когда Кендара отправила меня на север, чтобы достать для нее клык этой твари.

Саенго пытается поймать мой взгляд, но я продолжаю таращиться на землю под ногами. Наши мольбы и просьбы все равно окажутся бессмысленными. Учитывая, что она дочь рейвинского лорда, ее запрещено наказывать физической болью даже офицерам Гильдии.

Я же никто, ребенок безымянных родителей, которые оставили меня сиротой в двухлетнем возрасте. Если у меня и были какие-то воспоминания о них, то они давно канули в небытие и полностью растворились в моей памяти. Это будет даже не первый раз, когда меня накажут за то, в чем виноваты мы обе, однако мы опоздали именно из-за меня, так что все равно это моя вина.

Офицер Болдис продолжает говорить своим гнусавым голосом:

– Наказание, как и обычно, пятнадцать ударов бамбуковой палкой. Тем не менее, так как ты уже виновата в том, что мы задерживаемся, я даю разрешение хлестануть тебя в том числе пять раз по ногам.

Я молча жду, зная, что этим все не закончится. Он не из числа сострадательных людей.

– Тао, – говорит он, обращаясь к Джонье. – Ты готов осуществить наказание?

Мои глаза смыкаются, чтобы не выдать мои смертельно опасные мысли. Слышу, как Саенго ахает рядом со мной. Даже Джонья не может сдержать удивления. Все это против правил. Нет оскорбления хуже, чем получить свое наказание от рук одноклассника-виверна, тем более на глазах у всей Гильдии. Кендара узнает об этом через час, если не раньше, и внимательно изучит каждое мое движение, каждое слово, брошенное в ответ. Поэтому я даю себе лишь одну-единственную секунду на то, чтобы взять себя в руки, чтобы придать беспристрастность своему лицу, а затем молча киваю.

Джонья и офицер Болдис маршируют мимо рядов студентов, которые продолжают перемещаться неподалеку из одной боевой позиции в другую. Их глаза следят за нами. Никогда я еще не чувствовала большего унижения.

Одинокий деревянный столб стоит угрожающе посреди двора, каждому на обзор. В конце концов, публичное унижение эффективно только, когда за ним наблюдают все – в этом и заключается вся его суть. Без указаний, я и так знаю, что делать, подхожу, поднимаю руки и беру пальцами за веревку, примотанную к крюку, что вогнан наверху в дерево столба. Сжимаю его что есть мочи и замираю, поворачиваясь лицом к Джонье.

Офицер Болдис отходит в сторону, давая простор для размаха.

– Ничего не сломай, – добавляет он. – У нее все еще есть задание, которое она должна завершить.

– Да, офицер, – говорит Джонья. Он стучит легонько бамбуковой палкой по своей ноге, проверяя ее на прочность и силу удара, и раздумывая, куда та попадет, когда хлестанет по моей коже. А потом...

Я делаю резкий вдох, когда первый удар приходится по моему левому бедру, резкий и внезапный. Продолжаю смотреть Джонье в глаза, пытаюсь найти хоть что-то позитивное в изгибе его губ. Его следующий удар оказывается еще сильнее, боль меня ослепляет, пронзая мне ногу на этот раз чуть ниже. Я продолжаю молчать, хотя мои ногти уже практически впились в веревку до середины. Не кричу, не позволяю своим ногам подкашиваться. Я привыкла к боли. Я живу бок о бок с ней уже четыре года, иногда получая порцию от Кендары, иногда от Гильдии.

Когда наказывают других студентов, я всегда отвожу глаза в знак уважения. Многие ученики поступают подобным образом и сейчас, продолжая свою тренировку. Однако немало и тех, кто остановился, чтоб поглазеть. Я могу пережить боль, но чувство беспомощности, чувство, что меня выставляют всем на обзор, никогда не станет менее невыносимым.

Третий удар приходится мне прямо по колену, но я затягиваю веревку крепче вокруг своего запястья и перемещаю вес на другую ногу. Слова Кендары, как мантра, повторяются в моей голове: «Прикусывай язык. Играй свою роль. Не потеряй свое место в Гильдии, иначе потеряешь и свое место рядом со мной».

«Меньше месяца», – напоминаю себе я. Осталось всего несколько недель, а может, и того меньше, если Кендара объявит о своем решении до того, как закончится месяц.

Четвертый и пятый удары следуют сразу друг за другом, примерно по одному месту. Я сжимаю губы, стискиваю челюсти. Синяки точно останутся впечатляющие. Джонья делает шаг назад, и я осторожно отпускаю веревку, приказывая своим ногам держать меня. Когда же наши с Джоньей взгляды пересекаются, я гордо поднимаю подбородок, показывая, что его попытки сломить мой дух не удались. Ноздри Джоньи раздуваются от злости.

– Хорошо, – говорит офицер Болдис, – а теперь за дела. Вы уже потратили кучу нашего времени.

Джонья прижимает меня обратно к столбу, когда подходит, чтобы повесить палку на свое привычное место на крюке. Он на целую голову выше меня, и его рост является еще одним способом запугивания. Когда он перемещает вес с ноги на ногу, его кислое дыхание касается моих волос и что-то слегка изгибается в его кармане. Он дергает меня за косу, заставляя поднять голову и посмотреть на него снизу вверх.

Его голос ворчливый:

– Тебе следует сдаться. Ты все равно что соринка у меня под ногами, мешаешь, но ничего не значишь, так что получается, тебя можно без зазрения совести раздавить.

Я позволяю себе посмотреть на него взглядом полным желчи. Хотя я и не единственная его жертва в Гильдии, тем не менее знаю – я одна из любимых. Ненависть наполняет пространство между нами, я буквально физически ощущаю ее и задумываюсь, не ударит ли он меня снова, просто чтобы доказать, что может. Однако в этот момент офицер Болдис издает нетерпеливый звук. Джонья отпускает мою косу и уходит прочь. Как только офицер Болдис проходит мимо нас, Саенго бросается ко мне, позволяя опереться на ее плечо.

Я качаю головой, отказываясь от ее помощи. Вместо этого стискиваю зубы и ставлю одну ногу перед другой.

Офицер Болдис уже забрался в седло своего дрейка, а хатчлеты должны будут бежать всю дорогу пешком. Хотя мои ноги и горят от почти что нестерпимой боли, отказываюсь хромать. Какое же облегчение, когда наконец подхожу к Яндору и хватаюсь за его поводья. Яндор легонько толкает меня в плечо своей головой. Я наклоняюсь к нему, принимая его поддержку.

– Ты пойдешь пешком, – говорит офицер, заставляя меня замереть, когда одна моя нога уже в стремени. Я медленно поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него. Он холодно улыбается мне, а затем этой же улыбкой одаривает каждого из шестерых вивернов, которые идут с нами, включая Джонью. – Вы все пойдете сегодня пешком, вместе с первогодками. Можете поблагодарить Ашвин за то, что она пренебрегла своими обязанностями сегодня и опоздала.

Одноклассники-виверны сердито косятся на меня, слезая со своих скакунов. Путешествие в долину Крайнес займет целый день. Я занимаю место в конце нашей процессии, рядом с Саенго, мы ведем наших дрейков за поводья и наконец покидаем внутренний двор. Движемся к боковым воротам неподалеку, которыми пользуются только Гильдии. Они лишь выполняют свою функцию, никаких украшений, никаких золотых завитков на них нет в отличие от общественных ворот, ведущих в город.

Ворота состоят из двух рядов перегородок, первые сделаны из железных решеток, которые поднимаются и опускаются, когда нужно, а вторые из дерева и железа, их распахивают и запирают на несколько цепей. Прямо сейчас и те и другие открыты. Снаружи виднеется грязная дорога, местами пересекаемая охапками травы, которая ведет вниз по склону и делает изгиб, уводя в лес.

Удары на моих ногах ощущаются теперь как постоянная ноющая боль. У меня всегда есть с собой лечебные травы, но я не знаю, когда у меня появится возможность приложить их.

– С тобой все в порядке? – шепчет Саенго. Ее дрейк пытается облизать ей волосы, она шлепает его, отмахиваясь.

– Со мной все будет хорошо, – говорю я.

Виверны четвертого года обучения шагают по бокам от марширующих вперед хатчлетов. Еще двое идут впереди с офицером. Ведут всю нашу процессию четверо солдат и огромная телега, которую тянут четверо дрейков. Телега наполнена припасами для тюрьмы: простая, но чистая одежда, бушели¹ трав и овощей, мешки с рисом и даже парочка поросят, которые задорно хрюкают каждый раз, когда их телега трясется.

Когда мы приближаемся к повороту, где дорога дальше следует через Лес, чтобы потом соединиться с главной магистралью, я оборачиваюсь, чтобы посмотреть через плечо на оставшийся позади город. Стены возвышаются, и часовые в зеленых мундирах патрулируют зубчатые стены, прохаживаясь туда-сюда. Дальше, за каменными стенами, виднеется сияющий мрамор куполов храма Пяти Сестер, где каждая из них высечена статуей – Старуха-демоница, Мать-змея, Соколиная воительница и двое Близнецов. Однако все они выглядят ничтожно по сравнению с башнями Великого дворца. Его пики высятся над городом, его покрытые золотом и нефритом крыши и ажурные балконы блестят, а тянущиеся башенки с кичливо сияющим декором, точно копыя, пронзают облака.

Мои глаза с легкостью находят башню Кендары и ее широченный балкон. Это одна из самых высоких башен среди дюжин других во всем Великом дворце. Интересно, она все еще точит свое оружие? Иногда я прихожу в ее мастерскую и обнаруживаю ее в той же самой позе, в какой она была, когда я уходила.

Люблю шутить, что она питается лишь раздавленными надеждами и слезами своих учеников, что сердит Саенго. Возраст и высокое положение Кендары подразумевают, что о ней можно упоминать лишь с уважением. Обычно я с этим согласна, разве что... Ну ведь это же Кендара. Как Тень, ее не существует внутри социального строя королевства Эвейвина; она существует *над* ним, она не подчиняется никому, помимо королевы. Мне Кендара всегда казалась удивительной хотя бы по этой единственной причине.

– Хатчлеты! – кричит офицер Болдис, приостанавливаясь, чтобы обратиться к первогодкам. Его голос звучит как скрежет в моих ушах. – Вам следует запомнить, что долина Край-

---

¹ Бушель – единица объема, применяемая для измерения сыпучих товаров.

нес является тюрьмой. Не разговаривайте с рожденными шаманами и не отставайте от своей группы.

Первогодки неуютно ерзают от этого предупреждения. Этим хатчлетам было, наверное, не больше шести или семи лет, когда королева Мейлир заключила всех рожденных шаманами в тюрьму.

– Прости, – тихо говорит мне Саенго.

– За что? За то, что соврала?

Она вздрагивает.

– Я думала, так будет лучше.

Я натягиваю улыбку, несмотря на то что не хочу ничего так сильно, как просто лечь на землю прямо посреди дороги. Саенго – моя лучшая подруга, и я ценю ее, как никого другого, разве что не считая Кендары. Чувство вины будет преследовать ее весь день, если я не смогу смягчить ее душевные муки.

– Знаю, и нам бы удалось избежать наказания, если бы не Джонья, чтоб его. – Кроме того, я могла бы избежать наказания, если бы пришла вовремя.

Саенго отворачивается, но между бровями у нее пролегает хмурая линия. Даже в подавленном настроении она шагает как настоящая рейвинская леди: подбородок вздернут вверх, плечи расправлены, осанка прямая. Ее длинная коса, украшенная черными перьями, болтается у нее между лопаток за спиной. Наши волосы одинакового полуночно-черного оттенка, но у меня глаза серые, а у нее светло-карие, и если я рождена быть никем, то она рождена с привилегиями, с чувством собственного достоинства в доме рейвинов, при знатном дворе. Мы противоположны практически во всем, и все равно я не представляю своей жизни без нее.

– Знаешь, на самом-то деле ты первоклассная лгунья, – подшучиваю я.

Саенго закатывает глаза.

– Этот навык уж точно пригодится в королевской армии.

– Для каждого таланта есть предназначение.

– В отличие от тебя у меня нет таких талантов.

– Ну да, ну да, – говорю я, – потому что твоей победоносной натуры достаточно, чтобы всего добиться?

Она одаривает меня высокомерным взглядом своих кошачьих карих глаз.

– Со мной приятно общаться.

Я давлюсь своим смехом, однако этого достаточно, чтобы смягчить ее суровый изгиб губ.

Помимо луж, ничто уже не напоминает о дожде, что заливал дорогу прошлой ночью. Далеко на восток тянутся фермы и сады, и лишь местами их прерывают участки Леса. На западе виднеются Коралловые горы, названные так из-за сливовых деревьев, тянущихся на высоте, они сейчас яркие и цветущие. Как серпантин, дальше извиваются и тянутся рисовые поля, уже подготовленные к сезону дождей, делаая пригорные районы похожими на полосатые картины, расписанные маслом.

Вдруг что-то жесткое ударяет меня по щеке. Я вздрагиваю, инстинктивно нагибаясь, когда еще один крошечный снаряд свистит в воздухе надо мной. Виновника найти оказывается несложно. Это одна из вивернов, несущая в руках охапку камешков. Девушка запускает их в меня, пока офицер повернулся к нам спиной.

Щеки Саенго краснеют.

– Невоспитанная свинь...

– Она просто злится, – я отбиваюсь от нового камешка до того, как тот попал мне в висок. Большинство студентов Гильдии считают своим долгом меня игнорировать, тогда как я игнорирую их, но такие как Джонья определенно делают всю работу за остальных.

Около полудня мы наконец останавливаемся на перерыв и чтобы справить нужду. Первыми в лес отправляются девочки. Когда мы с Саенго возвращаемся к своим дрейкам, я вижу,

что все содержимое моего рюкзака раскидано по земле и валяется в грязи. Яндор доедает остатки моего сушеного манго, заготовленного на обед.

– Я поделюсь с тобой своим, – говорит Саенго тут же, когда мы наклоняемся, чтобы собрать плед и другие припасы обратно в рюкзак. Ветер развеивает травы, которые я хотела приложить к ногам на ночь. Смесь гнева и разочарования захлестывает меня, но я лишь поджимаю губы и стискиваю зубы.

Все, что осталось от моей еды, валяется на земле. У меня не получится собрать и отмыть манго от грязи, не получится собрать рис, высыпавшийся из банановых листьев, по которым кто-то к тому же еще и с радостью прошелся ботинками. Офицер Болдис сидит верхом на своем дрейке неподалеку, уплетая обед и делая вид, что ничего не замечает.

Ко мне подходит кто-то из вивернов. Судя по топорщащейся в его кармане бумаге, я догадываюсь, это Джонья. Он всегда носит с собой бумажные деньги, которые рейвины любят больше монет. Он думает, деньги делают его важной персоной. Ему удалось подскочить ко мне достаточно быстро, чтобы выдернуть пару перьев из кончика моей косы.

– Ты просто позорище, – он швыряет мои перья в грязь.

Саенго поднимается на ноги, сжимая руки в кулаки. Я подсакиваю бок о бок с ней и кладу руку ей на предплечье, останавливая ее до того, как она успевает что-либо сказать.

Джонья усмехается, но не уходит, когда я подхожу к нему и придвигаюсь достаточно близко, чтобы мои пальцы могли дотянуться до кармана штанов его униформы. Несколько напряженных мгновений мы с ненавистью смотрим друг на друга. Затем его взгляд устремляется на Саенго.

– А ты позоришь наш род, потому что...

– Если бы я хотела знать твое мнение, то спросила бы, – говорит Саенго сухо.

Губы Джоньи складываются в тонкую линию, однако он делает вежливый поклон и молча уходит. Как только он исчезает, я засовываю руки в свои карманы вместе с деньгами, которые сжимаю в своей ладони. Затем снова нагибаюсь, чтобы собрать остатки разбросанных припасов. Когда нас вдвоем отправляли на одни и те же задания, Джонья всегда делал все, чтобы превратить мою жизнь в ад. Увидев имя Джоньи в списке вивернов, назначенных на сегодняшнее задание по доставке припасов, я ворчала и умоляла Саенго застрелить его из лука, притворившись, что ее ослепило солнце. Я бы с радостью понесла за это наказание.

– Свинья, – бормочет опять Саенго. Она поднимает мои серые перья и нежно дует на их края, смахивая пыль. – Давай прикреплю обратно.

Хотя мои ноги гудят в знак протеста, я остаюсь в сидячем положении, согнувшись над небольшой кучкой своих вещей на дороге, пока она вплетает перья обратно в мою косу.

Привилегия носить перья дается лишь студентам четвертого года обучения, когда наши волосы отрастают достаточно длинными. Стиль и украшения должны служить своего рода подражанием хвосту вивернов, одних из самых устрашающих хищников на всем Тие. Конечно же, это не настоящие вивернские перья – виверны обитают лишь в Казаине, горном государстве на юге.

Для Саенго перья являются знаком ее достижений. Она носит их с гордостью. Даже я немного возгордилась, когда она стала виверном и заслужила право носить свои перья, хотя это чувство сразу исчезло. Я выбрала серые, которые сочетаются с цветом моих глаз. Кендара иногда права, называя меня самовлюбленной.

Теперь же я порой ненавижу смотреть на эти перья и вспоминать то, что они символизируют. Мое место в Эвейвине. Мое место в Гильдии. Все те насмешки, которые мне приходится терпеть, наказания, которые я должна переживать, каждый взгляд офицеров и людей вроде Джоньи, которые считают себя выше меня из-за моего низкого происхождения.

Мы с Саенго собираем разбросанные вещи обратно в мой рюкзак и привязываем его к седлу Яндора, пока остальные тоже собираются двигаться дальше в путь. Хатчлеты снова

выстраиваются в строй, и другие тоже возвращаются на свои места. Саенго предлагает мне один из своих рисовых шариков, но я отказываюсь, качая головой. Я не голодна, а ее еда должна прокормить ее до завтрашнего дня, до того времени, как мы вернемся из этого путешествия.

Крик сокола раздается над головой. Вместо того чтобы смотреть вверх, я смотрю на Саенго. Ее глаза пробегают по затянутому тучами небу, а брови серьезно сдвигаются. Напряжение с ее губ исчезает, когда она наконец замечает того, кого искала, – Милли, ее ручную соколиху. Домашние питомцы запрещены в королевской Гильдии, но Милли не приручена по большому счету, так что офицеры ничего не могут с этим поделать.

Офицер Болдис хмуро глядит в небо, а затем громко кричит:

– По местам!

Виверны, что впереди, быстро принимают нужную позицию, чтобы скорректировать отряд, и мы продолжаем свой путь. Где-то под моим бесконечным гневом скрывается еще и нетерпеливость.

Последние несколько недель все четверокурсники разделяют эти непрекращающиеся волнения и беспокойство относительно скорого выпускного. Студенты вроде Саенго обычно назначаются на посты в своих же землях. Саенго на самом-то деле уже получила свой пост на прошлой неделе, ее назначили в число королевских войск на Соколином хребте, где находятся владения ее семьи. Она подала просьбу поменять назначение.

Однако студенты вроде меня, у кого нет принадлежности к кому-либо из лордов, получают свои посты позже. Если бы решение принимал офицер Болдис, он бы, наверное, отправил меня на восток. Я слышала от других четверокурсников, что именно туда назначают тех, кто приносит кучу неприятностей.

Эвейвин является королевством маленьким, длинным и узким, как лезвие меча. К востоку от нас пролегают два других королевства – Ньювалинская империя, которой правят шаманы, к северу, и Казаин, родина тенеблагословленных, к югу. Однако солдаты, которых отправляют на восточные границы, могут встретиться лицом к лицу лишь с Мертвым Лесом.

Мертвый Лес разрастается, как непроходимая тьма, что отделяет нас от других королевств, оставляя лишь кусочек зеленых земель между Эвейвином и империей. Другие четверокурсники поговаривают, что бывали случаи, когда солдаты даже сходили с ума, вглядываясь день за днем в те проклятые леса.

Время от времени какой-нибудь вор или пьянчуга набирается смелости пробраться в чащу. Однако эти деревья наделены собственной волей, и никто не может спастись, если у того нет защиты правителя Мертвого Леса, паучьего короля Ронина. Изредка осмелевшие глупцы с огромным трудом все же выбирают обратную свободу, возвращаются со сломленной волей, падшие духом, лишь отдаленно напоминающие людей, и делают это только для того, чтобы схватить кого-нибудь, кто достаточно глуп, чтобы предложить помощь, и утащить с собой обратно во тьму. Солдаты, что становятся свидетелями того, что деревья делают со своими жертвами, никогда уже не ведут себя как прежде. По крайней мере таковы слухи.

В моей жизни было предостаточно опасностей с тех пор, как я стала учиться у Кендары, однако она ни разу не отправляла меня никуда вблизи Мертвого Леса. Так что мне остается лишь полагать, что все эти слухи правдивы.

– О чем ты задумалась? У тебя лицо странное, – говорит Саенго, доедая свой рисовый шарик. Я шутливо дергаю рукой, выхватывая у нее еду, и как будто собираюсь размазать остатки риса по ее лицу, но она отскакивает и смеется.

– Какое лицо? – спрашиваю я, перекладывая рисовый шарик из одной руки в другую, подальше от нее.

– Как будто ты представляешь что-то неприятное.

– Я думала о том, что офицер Болдис, скорее всего, назначил бы меня на восточные границы.

Саенго вздыхает.

– Если бы я была злопамятным человеком, то попросила бы своего отца лишить его должности.

– Ну что ж, я злопамятный человек, можешь сделать это ради меня?

Закатывая глаза, она говорит:

– Если тебя назначат на восточные границы, может быть, ты встретишься с Ронином.

Ее голос звучит заинтригованно. Как у того, кто поддерживает мир между тремя королевствами на Тие, власть у Ронина просто безграничная. Это бы напугало до мурашек большинство людей, но не пугает Саенго, наследницу древнего эвейвианского рода. Я же, с другой стороны, не имею ни малейшего желания встречаться с паучьим королем. Если мне чего и не хватает, так точно не людей, перед которыми нужно склонять голову и слепо следовать их указаниям.

В любом случае мне хочется верить, что истинная причина того, что я до сих пор не получила приказ о своем распределении, в том, что я останусь в Вос-Тальвине с Кендарой как ее официальный подмастерье.

Я держу поводья Яндора одной рукой, а другую засовываю в карман. Мои пальцы находят деньги, которые я стащила у Джоньи. Вытаскиваю их.

– Это что? – спрашивает Саенго.

– Это принадлежит Джонье. Руки у меня чесались. – Мне плевать на деньги, мне просто хотелось хоть немного на нем отыграться.

Но когда опускаю глаза, то удивляюсь, увидев вместо денег скомканный пергамент. Хмурюсь. Мои глаза находят затылок Джоньи, который шагает впереди процессии, а потом я осторожно расправляю помятую бумагу.

Мои ноги чуть не спотыкаются при виде аккуратного, скрупулезного почерка. Яндор вовремя наклоняется ко мне, чтобы я не потеряла равновесие, потому что мой разум внезапно опустел от растерянности. Сестры, помилуйте, откуда у Джоньи письмо от Кендары?

Сегодня ночью. Талонский чайный дом. Дождись мужчину со скрещенными мечами. Запомни его мечи хорошенько. Возвращайся на рассвете. Сожги, как прочтешь.

Слова разносятся болезненным эхом в моей голове, пока я пытаюсь найти в них логику. Все вокруг внезапно кажется слишком громким, каждый звук вокруг меня усиливается: шарканье усталых ног, пробирающиеся сквозь грязь ботинки, ветер, колышущий траву. Мое дыхание учащается и грубеет, проходя через нос, а мои пальцы сжимают крепче бумагу, едва не разрывая ее.

– Сирша? – неуверенно зовет меня Саенго.

– Он ученик, – шепчу я сквозь стиснутые зубы. Трясу бумагой перед носом Саенго. – Он один из ее учеников.

Саенго – единственная, с кем я поделилась своим секретом. И иначе быть не могло, ведь она моя лучшая подруга. Она берет пергамент и быстро читает написанное, и в этот момент я осознаю кое-что еще. Кое-что, что даже еще хуже. Кендара писала мне записки, только когда поручала простые задания, вроде достать какой-то предмет, пройти умственный тест или выследить какого-то зверя.

Никогда она не писала мне о каком-либо шпионе и не просила передать сообщение. Это... это не тренировка. Это работа Тени.

Мои пальцы сжимаются на поводьях Яндора, отчасти я наваливаюсь на него, чтобы не рухнуть на землю от тяжести этой мысли. Если Кендара еще и не сделала этого, то собирается сделать Джонью своим официальным учеником. Несколько секунд я просто бессмысленно шагаю, позволяя осознанию этого терзать меня на куски. Все внутри рвет и мечет от негодо-

вания, огонь поднимается от моей груди к моим щекам. Я сжимаю пальцы у запястья, касаясь тролличьей кости. Нет, Кендара не выбрала бы Джонью вместо меня.

Я морщусь при виде грязи под своими ботинками. Как она посмела не сказать мне об этом с утра? Сжимаю кость тролля так сильно, что ладонь болит.

И вдруг догадываюсь, что мог означать этот талисман на самом деле: прощальный подарок.

Гнев внезапно исчезает, оставляя меня опустошенной. Лишь остатки моей гордости не позволяют мне рухнуть тут же на землю и рвать траву в клочья от немогущности и нечестности этого всего. По какой-то причине, из-за чего-то я оказалась недостойна, я оказалась недостаточно хороша.

В этом состоит вся моя жизнь. Недостойная. Недостаточно послушная. Недостаточно умная, может, только языки хорошо знаю, но какая от этого польза? Недостаточно скромная, чтобы угодить кому-то.

Недостаточно хороша для родителей, которые меня бросили, или для монахов, которые меня воспитали, или для офицеров, которые меня тренировали.

Хотя я встретила Кендару, когда мне было одиннадцать, впервые я сразилась с ней лишь в тринадцать, во время своего финального года в Гильдии принца. Когда начал приближаться выпускной, никто, даже офицеры, не могли победить меня на ринге. Кендара увидела, как я тренируюсь одна, а когда встала напротив меня с мечом и приказала нападать, я рассмеялась, думая, что она шутит.

Слепая и безоружная, она победила меня меньше чем за две секунды.

«Это, – сказала она, имея в виду свои собственные навыки, – то, чего я смогла достичь лишь потому, что перестала жалеть себя и свое положение, и начала требовать от себя стать чем-то большим. Требовать, что я заслуживаю большего».

Кендара всегда верила, что я могу достичь величия.

Но я потратила последние четыре года, посвятив себя этой единственной цели, а теперь что? Я пришла в Гильдию королевы лишь потому, что Кендара требовала этого – доказать свою верность, сказала она, доказать, что я могу пережить все и заработать свое место как ее официальный подмастерье. И я переживала. О, я терпела все.

Может, моя гордость стала всему виной. Тень не должна привлекать внимание, должна позволять другим себя недооценивать. Ради того, чтобы заработать место рядом с ней, я могла опустить голову и проглотить свою гордость – но только не на боевом ринге. Только не в том единственном месте, где было дозволено сражаться, где я могла зарыть глубоко свой страх быть недостойной и доказать свою силу.

И ради чего все это было?

Впереди дорога сворачивает с главной магистрали и уходит на запад. Пока мы проходим лишь Кейстранский пролет, который тянется от южного берега Эвейвина, пролегает через столицу Вос-Тальвин и выходит к северному городку Бирт. Однако дорога, что ведет на запад, состоит из пары узких низин, поросших травой, протоптанных телегами и дрейками.

Хатчлеты тихо и печально вздыхают, когда стражники покидают главную магистраль и сворачивают на Кейстранский пролет с его неровными тропами. Я сердито кошусь на голову Джоньи и дергаю Яндора за поводья, заставляя его остановиться. Обеспокоенно посмотрев на увеличивающуюся дистанцию между нами и остальной делегацией, Саенго тоже замирает. Никто не замечает нашего отставания.

Саенго хватает меня за руку, достаточно грубо, чтобы это не привлекло мое внимание.

– Сирша, рассказывай.

Я забираю из ее рук записку, снова всматриваюсь в слова, а затем сминаю бумагу в кулаке и засовываю обратно в свой карман. Чтобы успеть добраться до чайного дома к полуночи,

Джонье придется скоро уйти. Наверняка он уже придумал какое-нибудь оправдание и получил разрешение офицера Болдиса.

Когда я уверена, что мой голос не дрогнет, я говорю тихо:

– Я доберусь до чайного дома первой.

Выпускной меньше чем через месяц. Меня бросят в какой-нибудь закоулок королевства вместе с королевской армией, оставят гнить на каком-нибудь отдаленном от цивилизации сторожевом пункте на шесть лет, пока мой срок обязательной службы не закончится. А потом что? У меня нет семьи, нет дома, нет никаких талантов, я умею только сражаться.

Если я не стану Тенью, я останусь никем. Пустым местом.

А я так устала быть пустым местом.

Глава 3

Мы остаемся на Кейстранском пролете, поджидая, пока между нами и делегацией офицера Болдиса окажется достаточно большое расстояние, чтобы, когда кто-нибудь заметил наше отсутствие и отправился на наши поиски, мы были уже далеко. На миг я раздумываю, не повернуть ли обратно к Вос-Тальвину, чтобы потребовать объяснений от Кендары лично, но она ни за что не станет терпеть такое нахальство с моей стороны.

– Тебе следует вернуться, – говорю я, когда Саенго косится через свое плечо уже в десятый раз, если не больше, за последние несколько минут. – Боюсь, на этот раз наказанием нам не отделаться.

Щеки Саенго снова краснеют, когда она вспоминает о том, что я одна была наказана за наше общее опоздание.

– Возможно, – говорит она, ее голос звучит с надеждой. – Но кому-то же нужно тебя прикрывать. Что ты собираешься делать, когда мы доберемся до чайного дома?

– Занять место Джоньи, конечно же. – Талонский чайный дом находится на расстоянии половины дня пути к югу отсюда, если идти прямо, вдоль Кейстранского пролета. У нас есть преимущество. Если повезет, я перехвачу сообщение, которое так хочет получить Кендара – от «мужчины с перекрещенными мечами» – до того, как Джонья нас вообще поймает.

Известно, что в прошлые годы ученики Тени порой рушили планы друг друга, а иногда и вообще убивали друг друга, чтобы конкуренция на место подмастерья Тени стала меньше. Сама Кендара убила двоих своих соперников, когда тренировалась под руководством предыдущей Тени.

Поэтому среди своих учеников она решила оставить имя каждого из них в тайне. Ей не нравилось, что подобные перебранки и стычки привлекали много ненужного внимания, особенно учитывая, если один из погибших учеников оказывался ребенком какой-нибудь важной персоны. А также она предпочитала, чтобы ее собственные ученики концентрировались на тренировках и обучении, а не на том, чтобы зарезать друг друга. Однако она ясно давала понять, что, если один из нас раскроет свою личность, другие ученики могут распоряжаться этой информацией как пожелают. Зная Кендару, это можно считать все равно что разрешением действовать.

Однако я беспокоюсь сейчас не о том, разрешено ли мне расстраивать чужие планы, а о последствиях всего этого.

Правила в Гильдии королевы куда более строгие, чем в Гильдии принцев. Когда я впервые открыла рот, не получив на это сначала одобрения – просто чтобы задать вопрос, не имея никакого злого умысла на душе, – офицер ударил меня так сильно, что я потеряла равновесие и упала. Он хотел, чтобы позор от моего неуважительного поведения видели на моем лице все, пока не заживет. После этого я быстро уяснила свое место и как мало оно тут значит. Студенты вроде Джоньи получают наслаждение при любой возможности напомнить мне о своей власти, прижимая меня к углам, когда рядом нет Саенго, или рассказывая всем ложь, которая принесет мне еще одно наказание или порку.

Покинуть же свой пост? Это хуже, чем любое вранье и наказание, какие Джонья выдумывал для меня за все годы. Гильдия принцев обязательна для детей от одиннадцати до тринадцати лет, но поступление в Гильдию королевы происходит на добровольной основе. Когда я поступила по просьбе Кендары – поклялась служить королевской армии и должна буду получить наказание, если нарушу свою клятву.

Если меня тут же не отчислят или не заклеят как дезертира, мне, скорее всего, выдернут все перья, а косу отрежут, понизят в ранге до первокурсника.

Но если я ничего не сделаю, то потеряю Кендару, а с ней и цель, ради которой я все это терпела и проходила. Нет такого наказания в Гильдии, которое окажется хуже, чем это.

Красть миссию Джоньи – опасная затея, но я обязана рискнуть. Обязана доказать Кендаре, что она должна выбрать именно меня, что лучше меня нет никого среди ее учеников. Вся моя жизнь, мое будущее зависит от этой миссии.

Когда мы приближаемся к красной крыше чайного домика, день почти подошел к концу. Полумесяц висит низко в небе, такой тусклый, что в его свете мало что видно. Чайный дом состоит из двух этажей, это здание с темными колоннами и очень живописной изогнутой крышей, края которой напоминают выставленные в разные стороны когти. Его невозможно не заметить даже во мраке, и путешественники любят останавливаться здесь, чтобы отдохнуть или перекусить.

Мы договорились, что Саенго останется снаружи с дрейками и будет на чеку, если Джонья вдруг появится раньше времени. Если только он не нашел короткий путь, то мы прибыли раньше. Прежде чем уйти, я глажу Яндора по его мощной челюсти. Он тяжело дышит от долгой дороги, но все равно добродушно склоняется под моей рукой.

Взмахнув крыльями, Милли опускается рядом с загонами, чтобы составить компанию Саенго. Она направляется к корытам с водой. Я снимаю перья со своей косы и бросающийся в глаза красный пояс Гильдии, дающий всем понять, что я студентка четвертого курса обучения. И то и другое убираю в свой рюкзак и вытаскиваю длинный серый шарф, который приобрела по пути сюда, чтобы прикрываться от накрапывающего дождя. У меня болят ноги, и мышцы жутко жгут от синяков. Но я лишь прикусываю язык, чтобы отвлечься от ноющей боли и направляюсь внутрь чайного домика, мысленно молясь, чтобы Сияющая Сестра поберегла для меня немного удачи.

Я небрежно заматываюсь шарфом, закрывая волосы и шею, так чтобы никто не глазел на мое лицо и не видел ворот моей серой униформы, и вхожу. Внутри чайного дома царит полумрак, свет излучают лишь один-единственный камин и несколько масляных ламп, которые отбрасывают мигающие тени во все стороны. Зал почти пуст. Столики расставлены четырехугольником вокруг платформы, где должны обычно выступать артисты, чаще всего это музыканты с двухструнными лютнями или сказители, которые пересказывают старинные сказки под убаюкивающие мелодичные песни.

Земляной запах камина перебивает резкий аромат, исходящий от не принимающих по несколько дней ванну постояльцев. Трое мужчин в капюшонах сидят за угловым столиком,

потягивая чай или, быть может, что покрепче. Пока, насколько я могу понять, ни у кого нет скрещенных мечей.

Как я и предполагала, Джонья еще не здесь. Я медленно, успокаивающе выдыхаю. Тем не менее он должен скоро явиться. Надеюсь, загадочный информатор Кендары покажется все же раньше. Я выбираю столик, откуда хорошо видно входную дверь. Низенькая женщина с темно-коричневыми кудрями и круглым лицом показывается из-за двери, которая, вероятно, ведет на кухню. Она прижимает руки к своему фартуку с цветочной вышивкой и вежливо кивает мне.

– Могу ли я вам что-нибудь принести? – спрашивает владелица.

– Немного чая каркаде, пожалуйста.

Вскоре она возвращается с подносом, на котором красуется фарфоровый чайничек, маленькое блюдо с медом и ложечкой сладостей и перевернутая чашка. Как только она наливает горячий чай в кружку, то оставляет поднос и снова уходит за дверь. Я кладу немного меда в ароматный чай и делаю глоток.

Кто-то дергает мой шарф, снимая его с головы. Я тут же подскакиваю, сжимая кинжал, который спрятан в моем рукаве. И застываю при виде Джоньи. Как он умудрился подкрасться ко мне?

– Так это ты! – фыркает он. Его даже можно было бы назвать красивым, если бы он постоянно не кривил губы в ужасной усмешке. Свет огня в лампах отбрасывает медные тени на его темные волосы, свою привычную косу он расплел. – Молись Близнецам, если ты здесь не по той причине, по которой я думаю.

Когда я не сжимаюсь при виде его, мышцы на его шее напрягаются еще сильнее. Он вскидывает руки, растопыривая пальцы, как будто ничего больше не жаждет так сильно, как задушить меня на месте.

– И что же это за причина? – хладнокровно спрашиваю я. Мы далеко от Гильдии и всех, кто знает, кто мы такие. Так как он вряд ли пожалуется на то, что я покинула свой пост, ибо тогда ему придется признаться и в своих темных делишках, я могу разговаривать с ним как пожелаю.

Когда он не отвечает, я упираюсь бедром о стол, игнорируя боль, пронзающую мои ноги. Делаю вид, что разглядываю лезвие своего кинжала, которое поблескивает бледно-оранжевым светом, отбрасываемым камином. Я украла этот кинжал из оружейного склада два года назад. Кендара не всегда предупреждает, что собирается отправить меня на какое-то опасное дело, так что я стараюсь не ходить без оружия.

Джонья хватается меня за руку и утаскивает подальше, в достаточно далекий угол, чтобы мне стало некомфортно. Его хватка оставляет синяки, только так он и умеет хватать, как я подозреваю. Я едва сдерживаюсь, чтобы не врезать ему кулаком в лицо.

Но вместо этого только говорю:

– Что ты затеял?

Его медлительность, с которой он смотрит на меня, не отвечая, выводит меня из себя. Потому что это доказывает, что кое-чему он у Кендары не научился в отличие от меня.

– А по какой, по-твоему, я здесь причине? Сам догадайся, – говорю я и как ни в чем не бывало вытаскиваю из кармана его записку.

Джонья обмяк. На его лице на долю секунду проскальзывает испуг, который выглядит комично. Однако затем он смеется, резко и нагло.

– Ты и правда одна из ее учениц? Должно быть, Кендара просто была в отчаянии, когда взяла тебя. Ты проиграла, Тсаув Тавс. Она выберет меня, – он плюет мне под ноги. – Потому что я лучше тебя во всем без малейшего исключения. В истории будет написано мое имя, мой титул и мои таланты.

Мои ногти впиваются в кожу ладоней, когда он говорит все это. «Тсаув Тавс». На старом эвейвианском языке, которому обучают лишь рейвинов, эти слова означают «пепел». Саенго

сказала мне, когда он впервые назвал меня так. Так переводится моя фамилия, Ашвин, которая на самом деле не является даже настоящей эвейвианской фамилией. Монахи нарекли меня так в приюте, тем самым говоря, что я ничто и мой род никто.

Однако, если не считать оскорбления, он глупым образом признался в том, что я отчаянно хотела узнать, когда только прочла записку: Кендара еще не назвала имени того, кто станет ее официальным подмастерьем. Пока что я еще ничего не упустила, пока что я не проиграла. Пока что.

– Ей плевать на все это.

– Разве? – он оглядывает меня с ног до головы. – Ты костлявая пустышка без настоящего имени и без будущего. Я уже семь лет пытаюсь убедить тебя сделать всем одолжение и воспользоваться уже этим кинжалом, вонзив его в свою же глотку. Когда ты наконец осознаешь? Никто не станет по тебе скучать.

Мне чудится, что моя челюсть готова треснуть от напряжения, с которым я стискиваю свои зубы. Но я держусь, не двигаюсь, потому что если я двинусь, то воткну свой кинжал в глотку Джоньи здесь и сейчас. Пока он наливает и пьет мой чай, я медленно выдыхаю через нос и судорожно пытаюсь расслабить тело, мышцу за мышцей.

Стулья царапают потертый деревянный пол. Я поднимаю глаза к углу, где те самые трое мужчин теперь уже стоят. Они проходят мимо нас, склонив головы. Потом последний вскидывает голову, и его глаза, скрытые под тяжелым капюшоном из скрученного шарфа, находят мои. Я замираю. У него горящие ало-красные глаза пламенителя, шамана, повелевающего огнем.

Между его пальцами проскальзывают искры. Лишь благодаря своим инстинктам я подскакиваю с места вовремя, за долю секунды до того, как мой стул вспыхивает, объятый пламенем. Я падаю на пол, а затем тут же ныряю за центральную платформу для выступлений артистов.

Мой пульс учащается. Рожденный шаманом, разгуливающий на свободе по землям Эвейвина? Невозможно. Королева посадила их всех за решетку. Однако если бы один каким-то образом сбежал из своей тюрьмы, то скрывался бы. Этот, должно быть, ньювалинец, шаман из Ньювалинской империи. О, Сестры, что же он тогда делает в Эвейвине?

Все перед моими глазами горит красным и расплывается. Боль в ногах внезапно отходит на второй план, я размахиваю своим кинжалом, готовая отразить удар, вглядываясь в огонь перед собой.

Пламя расползается по залу. Столы и стулья вспыхивают как спички. Я закрываю рот шарфом, но дым все равно жжет глаза. Входная дверь распахивается. Языки пламени и дым вырываются наружу. Саенго стоит за порогом, крича что-то, но я ее не слышу, лишь вижу, как она размахивает руками, отгоняя от себя жар. Огонь подбирается прямо к моим ногам. Я бросаюсь бежать, прыгая под стол и сталкиваясь с Джоньей на своем пути, когда задний вход в домик и часть стены взрываются.

Горящие ошметки дерева летят сквозь дым и снова попадают в пламя. Однажды я уже была в подобной ситуации, когда Кендара привязала меня и бросила в хижине с горящей соломой. Однако на этот раз огонь совсем другой. На этот раз он распространяется очень быстро, его невозможно контролировать или предугадать, он яростно несется по чайному дому.

Джонья все проклинает и отталкивает меня, мы оба поднимаемся на ноги. Огонь, как огромная змея, тянется по полу вокруг. Джонья выхватывает кинжал, которой вдвое больше моего, хотя я сомневаюсь, что оружие ему сейчас чем-то поможет. Его спина врезается в мой локоть, мы оба сжимаем свои бесполезные кинжалы и беспомощно таращимся на пламя, зажимающее нас в кольцо, захватывающее в свою смертельную ловушку. Вдруг один из шаманов показывается за пределами кольца.

Нет, это не пламенитель. Другой. Танцующее пламя освещает его лицо, однако его глаза блестят фиолетовым, цвет ярче, чем любой обычный человек мог бы похвастаться. Он подни-

мает руки. Поднимается резкий порыв ветра, который запутывает мне шарф и наматывает косу вокруг моей шеи. Огонь в ответ лишь разгорается, превращаясь в настоящее адское пекло. Я отступаю назад, мои руки и ноги сжимаются, чтобы их случайно не задело жаром.

Затем шаман-темпест замирает, а потом он кричит, падая на колени. Милли, которая, похоже, умудрилась проскользнуть внутрь через горящую дверь, дико хлопает крыльями над его головой, и соколиные когти царапают его по шее.

Я потеряла третьего шамана из виду, однако у меня есть шанс, и я перепрыгиваю через слегка утихомирившееся пламя и несусь навстречу Саенго, которая тоже умудрилась забраться в горящий чайный дом. Однако между нами слишком много горячей мебели и предметов. Огонь крадется по стенам, дым собирается под потолком, как будто над кипящим котлом.

– Саенго! – задыхаясь, выкрикиваю я ее имя, но с трудом сама слышу свой голос, тонущий в этом кошмаре. Мне не выбраться, поэтому я прыгаю обратно к Джонье. Он уже успел сцепиться оружием с шаманом-пламенителем, у которого в руках короткий меч. Дым окутывает их как будто живой. Я вижу, что Джонья затаил дыхание.

Сгорбившись как можно ниже, я целюсь своим кинжалом пламенителю в незащищенную спину. Но до того, как успеваю ударить, Джонья одним сильным ударом вышибает меч из руки пламенителя и тут же наносит удар по его животу. Кровь окропляет горящий деревянный пол, шипя в пламени. Пламенитель отшатывается, сжимая раненый живот, из которого течет кровь, пачкая ему пальцы. Взбешенные языки пламени внезапно начинают дрожать и затухать.

Джонья со свистом втягивает ртом воздух, и его глаза находят мои. Он бросается на меня.

Я ставлю блок, обороняясь, но его сила отбрасывает меня назад, и я врезаюсь в угол стола. Боль пронзает позвоночник, отдаваясь эхом в ногах, и мне приходится собрать всю свою силу, чтобы отразить следующий удар кинжала Джоньи, нацеленного уже мне в грудь. С диким воплем ударяю коленом в его слабое место между ног. Его атака тут же прекращается. Он шатается, делая шаг назад. Мне нужна лишь доля секунды, чтобы броситься на него, мои ноги обхватывают мясистую шею Джоньи, и я дергаюсь, вынуждая его потерять равновесие и упасть.

Он падает на спину с характерным глухим ударом, от которого содрогаются деревянные половые доски. Я выбиваю его кинжал, так что ему теперь не достать свое откатившееся орудие, и прыгаю ему на грудь, прижимая свое лезвие к его шее.

– Что ты творишь? – кричу я, мой голос скрипит от дыма.

– Избавляюсь от соперника, – шипит он сквозь зубы, – ты бы тоже так поступила, если бы у тебя была хоть капелька мозгов! – его руки тянутся к моему горлу, но я изворачиваюсь, и его пальцы вместо этого хватают мою косу.

Между нами опять вспыхивает огонь. Я отлетаю от Джоньи и больно ударяюсь о землю. Удар выбивает воздух у меня из легких. Я не могу вдохнуть, но перекачиваюсь по полу, чтобы сбить языки пламени, лижущие мои руки. Рядом падает пламенитель, выпуская свой последний выдох. Однако чайный домик уже объят пламенем, и без контроля шамана огонь вырывается наружу.

Джонья кричит. Половина его тела в огне. Его рубашка плавится вместе с его кожей, которая обращается в ожоги и пузыри, но он успевает ее скинуть. Я слышу, как громко и часто дышу, мой пульс стучит в ушах, желчь подкатывает к горлу, но я не позволяю себе слабости.

«Сестры, защитите нас», – я яростно стучу по уголькам, потрескивающим в его волосах. От запаха жженных волос меня тошнит. Он все еще борется с пламенем и кричит, но все, что я могу, это схватить его за талию еще не загоревшихся штанов и поволочь в сторону выхода, однако он оказывается слишком тяжелым.

Звуки хлопающих крыльев намекают мне, что Милли все еще отвлекает шамана-воздушника, однако я по-прежнему не могу увидеть третьего шамана. Темная фигура появляется из-за густого дыма передо мной, я чуть не вскрикиваю от облегчения, когда понимаю, что это Саенго, пробравшаяся наконец сквозь пламя.

– Помоги мне! – кричу я. Мою глотку царапает дым.

Вместе нам все же удается вытащить Джонью, который оказывается тяжелым, как бык, за дверь наружу и наконец сбежать из огня на открытый воздух.

– Ты в порядке? – спрашивает Саенго, обеспокоенно изучая мою униформу.

– В порядке, – ответ вместе с кашлем вырывается у меня из груди. Талисман Кендары из тролличьей кости остается подозрительно холодным по сравнению с моей разгоряченной кожей. Защита от магии. Именно благодаря ему, должно быть, я не валяюсь без сознания или что еще хожу, мертвая, рядом с потерявшим сознание Джоньей.

Мы осторожно опускаем его на грязную землю. Он выглядит жутко, однако теперь не кричит и совсем не двигается. Я опускаюсь на колени рядом с ним, не уверенная, можно ли к нему вообще прикоснуться, не нанеся ему еще больше урона и не сорвав ошметки кожи. От его груди, лица и рук поднимается пар. Аккуратно поворачивая его голову, я нахожу неповрежденный участок кожи под подбородком и прижимаю пальцы к этому месту. Его пульс стучит очень слабо.

– Он живой, – выдыхаю я, а затем говорю: – Ему повезло, что я не закончила начатое шаманом. Ублюдок.

– Нам нужно убираться отсюда, – говорит Саенго. Ее голос даже не дрожит. Как она может оставаться такой спокойной, когда все пошло так непредвиденно плохо?

И зачем ньювалинским шаманам нападать в чайном домике в Эвейвине? Саенго рассказывала мне о некоторых стычках между эвейвинианцами или ньювалинскими патрульными в северных полях, неподалеку от ее семейного дома, однако гневные угрозы паучьего короля всегда сдерживали эти стычки, не позволяя им превращаться во что-то более серьезное.

Что-то вроде того, что произошло сегодня здесь. Влияние Ронина на королевства должно было помешать подобному произойти.

Милли вылетает из входной двери, кашляя теперь черным дымом, и взмывает ввысь, в небо. Воздушник, шатаясь, тоже показывается на пороге чайного дома, выкрикивает проклятия, его кожа на руках и шее выглядит как кровавое месиво из обгоревшей кожи. Я хватаю Саенго за запястье, утягивая ее за собой, и мы отступаем. Косясь на стойла, к которым языки пламени только еще тянутся, я раздумываю, сколько нам потребуется времени, чтобы добраться до своих дрейков.

Однако мы не можем бросить здесь Джонью. Выругавшись, я поднимаю кинжал снова, когда третий шаман выскакивает из чайного дома.

– Кто из них? – кричит он сдавленным голосом. Пытается выплюнуть дым, осевший на его глотке.

Воздушник корчится от боли, когда отвечает:

– Какая разница? Кто-то из них. Просто уьем всех.

– Согласен, – говорит другой шаман. А затем я наконец понимаю, во что он одет. Его одежда обгорела и потемнела от дыма, однако свет полыхающего в ночи рядом с нами чайного дома освещает брошку, прикрепленную к вороту его туники. Два скрещенных меча.

Информатор Кендары. Что означает, это не просто случайная атака, которую нам не посчастливилось застать. Они пришли сюда в поисках Тени. В поисках Кендары.

Я толкаю Саенго, утягивая ее за свою спину, отбрасывая все сомнения из своих мыслей. Несмотря на жар, исходящий от горящего чайного дома, холодное спокойствие медленно, но уверенно разливается по моим рукам и ногам. Вся боль от синяков и мозолей растворяется в нем. Хладнокровие войны, как всегда называет это чувство Кендара, момент, когда разум и сердце затихают, позволяя инстинктам физического тела взять верх. До сегодняшнего времени я не понимала, о чем она говорит. Теперь же мое сердце больше не пытается вырваться через ребра. Все вдруг становится просто и понятно.

Мы или они.

Я кручу кинжал в своей руке и запускаю в свою жертву. Лезвие врезается третьему шаману прямо в горло. Шаман-воздушник вздрагивает от испуга, когда кровь его напарника окропляет ему лицо. С мокрым кашлем поверженный шаман падает на землю. Однако еще до того, как его тело достигает земли, воздушник вырывает из него кинжал и бросает его обратно. Я легко уворачиваюсь от смертельно острого лезвия и тут же целюсь в его ноги. С воплем тот теряет равновесие и падает, его щека с треском ударяется о землю.

Я запрыгиваю ему на спину, пытаюсь обхватить руками его шею, чтобы сдавить и сломать. Однако его кожа и волосы слишком скользкие из-за крови, текущей из ран, которые нанесла ему Милли. Шаман отбрыкивается и перекачивается по траве, в следующий миг его кулак врезается в мою челюсть до того, как я успеваю уклониться. Я трясую головой, отмахиваясь от боли, но потом все передо мной внезапно начинает кружиться. Воздух отрывает мои ноги от земли и поднимает вверх. Я прикрываю голову, когда через секунду мое тело падает и врезается в грязь. Я сжимаюсь от того, что руки и ноги деревенеют и ноют от резкой боли.

Сквозь несколько выбившихся из косы прядей я вижу, как шаман направляется к стойлам. Мои ногти оставляют глубокие полосы на земле, когда я заставляю себя подняться.

– Саенго! – кричу, с трудом силясь встать на ноги. – Он уходит.

Когда она не отвечает, я озираюсь по сторонам, ища ее. Она лежит на земле. Рукоятка кинжала пугающе торчит из ее груди.

Я раскрываю рот, но мои легкие не могут набрать внутрь воздух. Она стояла позади меня, когда воздушник запустил в меня кинжал.

– С-Саенго, – я охаю, все тело трясет от неожиданно охватившего меня ужаса, который пронзает меня, точно ураган. Я забываю обо всем: боль, Джонья, шаманы, желание стать Тенью. Есть только Саенго и я, пытающаяся пробраться сквозь грязь и рухнуть рядом с ней. Мои пальцы прощупывают ее пульс, но ничего не находят.

Боль в моей груди становится острее, точно горящий камень. Она крадется по ребрам и вырывается на свободу, лишая меня остатков воздуха в легких, вынуждая меня опять со всей мочи закричать. Мой вопль разносится эхом по Кейстранскому пролету и звучит, пока во мне не остается ничего, кроме ослепляющей боли и печали, а потом, к моему облегчению, не остается вообще ничего.

Глава 4

– Сирша?

Ее голос звучит сквозь тьму, призывая меня. Я пытаюсь дотянуться до ее голоса, тону глубже в черноте вокруг, в которой, как мне кажется, я все еще могу ее найти, однако голос растворяется. Когда же я пытаюсь броситься следом, из самой бездны появляются руки. Они хватают меня за плечи, за волосы, за шею. Корявые, неуклюжие пальцы раздвигают мне рот и пробираются внутрь, вынуждая меня кашлять и задыхаться. Острые ногти рвут мне губы и щеки, а затем принимаются за глаза. Не могу дышать. Не могу двигаться. Не могу...

– Сирша.

Просыпаюсь и резко сажусь, глотая ртом воздух. Слишком яркий свет слепит глаза, и я судорожно вздрагиваю, вспоминая о боли, с которой ногти рвались сквозь мои закрытые веки еще секунду назад.

Несколько вещей тут же бросаются мне в глаза, привлекая внимание. Первое – я теперь снаружи. Ладони мне щекочет зеленая трава, а мой старенький шерстяной плед заботливо укрывает мне ноги. Второе – уже утро. Теплый солнечный свет просачивается через ветки деревьев над головой, он очень яркий, смелый, наглый.

И последнее – наверное, самое важное и самое невозможное: Саенго сидит рядом со мной, прямиком на траве, моргает, изучая мое лицо полным изумления и удивления взглядом. Я и представить не могу, почему тот факт, что я проснулась, вызывает у нее такой шок, ведь она была той, кто умерла, а не я.

Я облизываю свои пересохшие губы и еще раз неуверенно озираюсь по сторонам, осматривая деревья. Звуки воды, переливающейся по камням, притягивают мое внимание к небольшой бухте с ручейком, бегущим неподалеку. Моя одежда и волосы жутко пропахли дымом, а мои ноги до сих пор сильно болят, так что все это сомнительно, но все же...

– Мы умерли?

Удивление на лице Саенго трансформируется в растерянность.

– Не думаю так. Только твои глаза...

Я бросаюсь ей на шею, крепко обнимая, ее плечи оказываются куда меньше в моих объятиях, чем со стороны. Ее дыхание на моей шее уверенное, твердое и сдавленное от моей хватки.

Одно лишь воспоминание о том, как кинжал торчал из ее груди, заставляет все внутри меня с ужасом содрогнуться.

– Что произошло, Саенго?

Она отстраняется от меня, прижимая свои руки к коленям.

– Я не знала, что делать, когда пришла в себя. Ты лежала там и... И Джонья, и тот шаман. – Ее всю трясет от этих слов. – Я запаниковала. Поэтому подхватила тебя и побежала прочь.

Весь вчерашний вечер, пошедший совсем не так, как планировалось, точно волна, резко захлестывает меня, вызывая тошноту. Сестры, спасите нас. Мы оставили Джонью умирать. Я убила шамана. А Саенго...

С большим усилием я поднимаюсь на ноги и делаю несколько неуверенных шагов, чтобы добраться до усыпанного песком берега бухточки. И опять падаю на колени. Камни врезаются мне в кожу, но я едва их чувствую, когда погружаю руки в ледяную воду ручья. Обжигающий холод заставляет меня затаить дыхание, но зато жалящий лед быстро и уверенно успокаивает.

Мое размытое отражение на поверхности воды смотрит на меня в ответ. Все мое лицо перепачкано сажей и пылью. Однако вовсе не это привлекает мое внимание. Сначала я даже не совсем понимаю, что вижу перед собой. Мои глаза, которые раньше всегда были серыми, теперь как кристально чистый янтарь.

Я невольно делаю короткий, рваный вдох, когда мои руки погружаются глубже в ледяную воду, а рукава моей униформы промокают насквозь. Но эти незнакомые глаза также продолжают смотреть на меня в ответ, яркие радужки глаз, как у шаманов, продолжают таращиться на меня. Это ведь не я. Это не могу быть я. Звуки бегущей воды становятся тише. Мир кружится вокруг.

Саенго хватается за плечо и выдергивает из забвения на берегу бухты.

– Сирша...

– Я в порядке, – выдыхаю я, перекатываясь на спину. Морозные капли воды сбрызгивают мне лицо, когда я закидываю руки за голову. Ощущения возвращаются к моим пальцам с почти болезненным покалыванием.

– Ага, – шепчет Саенго рядом. – Я тоже в порядке.

Мы остаемся так на одном месте какое-то время, я лежу на спине, прижимаясь к каменистому побережью, а Саенго сидит рядом со мной, воткнув носки своих ботинок в песок. Мы ничего не говорим друг другу. Мои мысли до сих пор пусты, мозг отказывается давать объяснение тому, что произошло. Я слушаю, как журчит и проносится мимо нас вода. Как над головой шуршат листья, зеленые, как шелк, с серебрящимися на солнце прожилками.

В конце концов, когда я понимаю, что не могу больше выносить эту гнетущую тишину, я протягиваю руку и касаюсь запястья Саенго. Она берет меня за руку в ответ, и наши пальцы переплетаются.

Отчаяние забирается мне в душу, пробудившееся этим ощущением от наших соприкоснувшихся рук. Я отдергиваю руку и таращусь на свою ладонь, сама не понимая, что там пытаюсь найти.

– Сирша? – зовет меня Саенго, сначала смотрит на свои пальцы, а затем опять на меня. Неужели она этого не почувствовала?

Тряся головой, я лишь повторяю:

– Я... я в порядке.

Но на самом деле я совсем не в порядке, только вот не понимаю, как все исправить.

– Ты защищалась, – говорит она.

Удивительно, как после того, что случилось с ней, она по-прежнему думает только о том, чтобы успокоить меня. Я обучалась под покровительством Кендары четыре года. Тень является шпионом и наемным убийцей. В конечном итоге мне бы все равно пришлось отнять чью-то жизнь. Я понимаю, что мне следует больше волноваться о том, с какой легкостью мне удалось

убить того шамана, но как я могу о нем вообще думать, когда Саенго погибла на моих глазах? Она была мертва, а теперь снова жива, и я понятия не имею, как привыкнуть к этой мысли. Или вообще хоть с одной из мыслей о том, что недавно произошло.

– Прости, – мое горло все еще болит из-за едкого дыма в чайном домике. – Я должна была лучше тебя защищать.

Саенго двигается, сменяя позу и оказываясь на коленях, лицом к лицу со мной, ее глаза наполнены уверенным блеском. Это уже куда лучше, чем тот потерянный и испуганный взгляд, с которым она тарасилась на меня, когда я только пришла в себя.

– Ты отреагировала на угрозу, которую представляли шаманы, именно таким образом, каким и должна была. Так, как я от тебя и ожидала, – говорит она. Я хмурюсь, но она все равно продолжает говорить то, что намеревалась сказать: – Когда ты сражаешься, ты... ты не сомневаешься, Сирша. Ты реагируешь. Опасность – она делает тебя смертельным оружием. Когда я увидела, как ты сражаешься с теми шаманами и с Джоньей...

Ее упоминание про Джонью меня слегка удивляет. Должно быть, она наблюдала сквозь языки пламени, как тот напал на меня.

– Я тогда вдруг поняла, Сирша, что же такого особенного увидела в тебе Кендара четыре года назад, когда выбрала тебя в качестве одного из своих учеников.

«Мою предрасположенность к жестокости и насилию?» – хочется спросить мне.

– Я не... – ее брови сдвигаются. – Я не такая. После всех наших тренировок в Гильдии, когда эти шаманы появились, чтобы убить нас, я просто застыла. Мне следовало помогать, а не наоборот.

– Ты жива. Это все, что имеет значение. – Я прочищаю горло, корчась от того, как оно пересохло. – Только вот как это получилось? – мой вопрос звучит не громче шепота, я боюсь, что, если заговорю хоть чуточку громче, все это может оказаться неправдой, просто сном.

Улыбка Саенго превращается в гримасу, прежде чем увянуть и исчезнуть полностью. Съежившись и втянув шею в плечи, она дотрагивается до собственной груди, кладет руку точно поверх сердца, куда угодил кинжал. Я осторожно отодвигаю ее пальцы. Ее рубашка разорвана на этом самом месте, а края ткани потемнели от засохшей крови. Аккуратно я двигаюсь пальцами сквозь прорез на ткани и касаюсь ее кожи в центре груди. Все цело. Нет ничего, кроме тонкой полоски шрама, точно рана очень старая и давно зажившая.

Убирая руку, я удивленно смотрю на свою ладонь. Я точно помню, как сводящий с ума жар пронесся по моему телу за секунду до того, как я потеряла сознание. А теперь что-то изменилось в моих глазах... Но ведь это не могла сделать я. Такое невозможно.

Много лет назад мы с Саенго поклялись друг другу, что когда одна из нас умрет, вторая споет историю жизни другой Сестрам. Именно с помощью песни Сестры узнают, что нужно отворять ворота в мир духов, чтоб те, кто погиб, смогли войти и начать загробную жизнь. А еще я поклялась себе кое в чем: что если мне и придется спеть песнь о жизни Саенго, то этот день настанет очень-очень не скоро. Прошлой же ночью я чуть было не нарушила это обещание.

Мой кулак сердито врезается в землю.

– Шаман, который сделал это. Он сбежал. Мы должны его найти.

– Судья должен был уже отправить сокола к верховному офицеру к этому времени, – говорит Саенго. Ее голос звучит слишком разумно и размеренно для человека, который имеет полное право рвать и метать, проклиная всех до небес сейчас. Или меня. Отчасти мне хочется, чтобы она так и сделала. – Наверняка они уже отправили солдат к чайному дому. Если шамана еще не поймали, то скоро обязательно поймают.

Я очень на это надеюсь, однако если власти сконцентрируют все свое внимание на поимке шамана, а не на двух сбежавших вивернах, нам стоит этим воспользоваться.

Саенго прикусывает свою нижнюю губу, колеблясь.

– Ты знала? – спрашивает она наконец.

Выпрямившись, я сажусь и поворачиваю лицо так, чтобы скрыть от нее свои глаза. Знала ли я, что я... Не могу даже думать об этом. Я не знаю ничего о тех людях, что бросили меня в приюте, а монахи уж подавно ничего не могли знать. В таком случае они бы с радостью сдали меня в долину Крайнес, если бы узнали правду.

Но разве все это может быть правдой? И почему все это происходит именно сейчас, тогда, когда я так близка к тому, чтобы добиться своей цели? Отчасти я ожидаю, что Кендара вот-вот явится к нам и признается, что все события прошлой ночи были продуманной подставой, представлением, созданным, чтобы проверить, как далеко я готова зайти и не сдаться.

Однако даже Кендара, которая способна на невероятные подвиги и унижения, не может заставить сердце Саенго перестать биться. Ничто никогда не сотрет из моей памяти картину невидящего взгляда Саенго, устремленного в никуда, вид крови, промочившей ее рубашку, каждую болезненную деталь, что въелась в мое подсознание навсегда.

Если я не могу искать возмездия за убийство Саенго, то мне нужно поговорить с Кендарой. Мне нужно объяснить ей все, что произошло, и рассказать ей о нападении. Мне нужно все каким-то образом исправить.

Но как мы можем вернуться в Вос-Тальвин? Королева Мейлир не скрывает своей ненависти к шаманам. Прежние король с королевой, как и больше десятка других эвейвианцев, погибли, когда шаман-пламенитель потерял контроль во время одного магического представления и сжег половину гостей фестиваля дотла. Сам пламенитель тоже не выжил, однако этого оказалось недостаточно для новой королевы. Ей было всего семнадцать, когда она взошла на трон. Мейлир провозгласила всех шаманов преступниками вне закона, не глядя на тот факт, что они невиновные эвейвианцы. А также она запретила с тех пор ньювалинским шаманам переходить границы Эвейвина, что разожгло старые конфликты между нами и Ньювалинской империей.

Некоторые рожденные шаманами сбежали в империю или же бросились просить помощи у паучьего короля. Однако Ронин им отказал. Он потребовал заключить перемирие между двумя королевствами; но ему нет дела до того, как именно власти устанавливают этот мир в границах своих королевств и правят над своими же народами.

И я стараюсь не вспоминать о своей давней встрече с шаманами, ибо память о том дне до сих пор слишком свежа. Неподалеку от сиротского дома, где я выросла, был маленький городок, куда монахи ходили, чтобы купить припасов и продуктов. В тот день я отправилась вместе с ними, как и все остальные дети, которые должны были в скором времени вступить в ряды учеников Гильдии принца. Монахи говорили, что нам следует привыкать к шумным городским улицам, однако такое объяснение казалось слишком уж неправдоподобным и наигранным даже тогда. Вскоре истинная причина их помыслов стала нам очевидна.

На то утро была назначена казнь. Двое рожденных шаманами, женщина и ее супруг, стояли на наспех сколоченной платформе у города. Я не помню, в чем их обвиняли. Быть может, и вовсе ни в чем. Монахи заставили нас смотреть.

В тот день я должна была раз и навсегда уяснить, что власть королевы безгранична и что я ни за что не имею права перечить ей или мешать.

Возвращаться теперь в Вос-Тальвин будет опасно и глупо. Но мне все равно как-то нужно увидеться и поговорить с Кендарой. Не только для того, чтобы предупредить ее об атаке, но и для того, чтобы попросить помощи. Как наследница Соколиного хребта Саенго под покровительством и защитой своего рода. У меня же такой защиты нет. Кендара знает меня лучше, чем кто-либо другой, не считая, конечно, Саенго. Без сомнений, Кендара мне поможет или хотя бы замолвит за меня словечко, так ведь? Она не отвечает ни перед кем, помимо королевы, которая, ко всему прочему, высоко ценит советы Кендары. Нет человека лучше, который может за меня поручиться.

Я прижимаю ладони к своим векам, но изображение моего же лица, которое я увидела на поверхности воды недавно, отказывается исчезать. На долю секунды с зажмуренными глазами мне чудится, что я падаю. Мой пульс ускоряется, ребра сдавливают мой желудок, и это пугающее чувство полнейшей неизвестности относительно того, что ждет теперь меня в будущем, того, что весь мой мир внезапно перевернулся с ног на голову, наполняет рот кислым привкусом страха.

Саенго дотрагивается до моего плеча. Эмоции захлестывают меня от ее прикосновения, и все они оказываются слишком мощными, чтобы понять их и дать им название. Прекрасно понимая, что она за мной наблюдает, я делаю несколько глубоких вдохов, успокаиваясь, пытаюсь переубедить себя, найти внутри себя причины и стратегии, как вести себя дальше. Лежать на этом берегу и жалеть себя – это ничего не исправит в нашем плачевном положении. Нам нужно отправляться в путь, до того как нас кто-нибудь обнаружит.

Я поднимаюсь на ноги и озираюсь по сторонам, силясь сообразить, где мы находимся. Наши дрейки привязаны к одной из нижних веток неподалеку. Яндор мирно спит.

– «Желтый» означает «сиятель», – бормочет Саенго.

Я тем временем выжимаю свои промокшие рукава.

– Что?

– Твои глаза, – поясняет она, смахивая пыль с рук, когда тоже поднимается на ноги.

Я мрачнею, потому что не понимаю, что она ожидает услышать от меня в ответ на это.

У шаманов бывает пять призваний: огонь, вода, земля, ветер и свет. И в каждом призывании бывает три возможных ремесла, уточняющих их особый талант. Пламенитель, который напал на нас, был темперстом, шаманом, который способен вызывать и контролировать огонь. Однако пламенители также бывают консьюмерами – теми, кто может превращать свое тело в языки пламени и дыма, или вирминами – теми, кто может силой мысли повышать температуру объектов или жидкостей. Могущественный вирмин может убить своих врагов, просто вскипятив их кровь в жилах или обезоружить их, расплавив выкованное из железа оружие. Сомневаюсь, что мы бы так легко отделались, если бы эти шаманы обладали подобного рода ремеслами.

Но я не знакома с тремя ремеслами в призывании сиятелей. Все мои знания, помимо тех, что я получила на уроках в Гильдии, ограничиваются книгами, прочитанными у Кендары, и лишь малая часть из них относится к темам магии.

Мой рюкзак свисает с седла Яндора, и я открываю его, развязывая узел. У меня всего одна запасная униформа Гильдии, в которую я могу переодеться, но и это сойдет. Одежда, пропитанная дымом с множеством следов и дыр от огня, заставит любого, кого мы встретим на пути, коситься на нас с подозрением. Не считая такой же изуродованной одежды, Саенго выглядит относительно чистой. Должно быть, она умылась, пока я была без сознания.

– Где мы? – спрашиваю я, скидывая свою испорченную одежду в траву и радуясь, что могу избавиться хотя бы от нее и от запаха огня. Мне хочется еще умыться, но я не могу даже думать о том, чтобы снова смотреть в свои глаза в отражении водной глади.

Саенго указывает на родник, тянущийся дальше в сторону.

– Если мы пойдем туда, то через несколько часов придем к Каменному Змею.

Каменный Змей, тонкий мост, соединяющий противоположные стороны впадины под названием Пустынное Море, от него полдня пути на юг до чайного дома. Должно быть, мы пробыли в дороге всю ночь.

Я рассказываю Саенго, что нам следует вернуться в Вос-Тальвин, чтобы я могла поговорить с Кендарой. Она нехотя соглашается с тем, что если кто-то и может помочь нам сейчас, то только Кендара. Вероятнее всего, это плохой план, просто ужасный, но я не знаю, что еще можно сделать. Если бы у нас было больше времени подумать, может, мы бы придумали что-то получше. Может, я бы перестала чувствовать себя так, словно меня разобрали на кусочки, а потом собрали обратно во что-то мне незнакомое.

Когда я привязываю свой спальный мешок к седлу Яндора, звук бегущих ног разносится по Лесу. Мы с Саенго тут же, не сговариваясь, ныряем в тень деревьев.

Наклонив голову, я закрываю глаза и прислушиваюсь. Исходя из скорости шагов, к нам приближаются трое, а раз они шагают шумно, значит, хотят, чтобы мы их слышали. Мои губы изгибаются, когда я выглядываю из-за ствола дерева и быстро оцениваю наших соперников.

Трое эвейвианских солдат показываются из-за Леса. Они шагают на большом расстоянии друг от друга, чтобы загнать нас в ловушку. Двое выглядят так, будто только-только закончили Гильдию королевы, третий же чуточку постарше.

– Выходите, выходите, – зовет нас старший, поправляя рукоятку меча, свисающего сбоку.

Я понятия не имею, где мой кинжал, но у меня все равно не нашлось бы смелости воспользоваться им после того, как я видела его торчащим из груди Саенго. Прячась за соседним деревом, Саенго едва заметно кивает мне, приходя к такому же выводу, что и я: если мы хотим сбежать, нам сначала придется разобраться с этими тремя солдатами.

Всего день назад я бы не посмела даже голос повесить на солдата. А теперь мне придется поднять против них оружие. Кендара поймет – я должна делать то, что необходимо. По правде сказать, я понимаю, что даже хочу сделать это, когда мои пальцы сдавливают гладкую кору дерева.

Я делаю шаг из-за своего укрытия. Саенго следует за мной. При виде нас двое солдат помолже тут же вскидывают свои клинки. Третий же только наклоняет голову.

– Что это такое? – говорит он. Черная татуировка, напоминающая разряд молнии, тянется с внешних сторон его лба, через виски и уходит за линию волос. – Я думал, мы ищем парочку дезертиров, а теперь оказывается, у нас тут шаман!

– Может, нам лучше подождать, – говорит один из его товарищей, его прежняя находчивость быстро улетучивается. Третий солдат согласно кивает. – Нам не говорили искать...

– Не будь трусом, – выплевывает в ответ татуированный.

Если они ищут нас, значит, уже поймали шамана. Зачем же еще тратить время на двух вивернов, когда на свободе разгуливает наемник из Ньювали?

Татуированный обменивается со своим напарником взглядом, оба сжимают рукоятки своих мечей крепче. Они никогда прежде не сражались с шаманом, понимаю я. Что ж, им еще предстоит удивиться, узнав каково это – сражаться со мной.

Голос Саенго звучит обиженным, когда она говорит:

– Мы не дезертиры, я Саен...

Татуированный бросается на меня в тот же момент, когда один из оставшихся двух взмахивает мечом, целясь в Саенго.

Я уклоняюсь от удара меча татуированного, прежде чем врезать кулаком в его бок. Мое бедро жжет от выпада, однако боль только помогает сконцентрироваться. Солдат стонет и отступает назад, удивление отражается на его лице. Мои зубы блестят в улыбке. Он хмурится, отчего его татуировка становится похожей на странные рога, и снова кидается на меня. Хотя мне нечем защищаться, я поворачиваю ногами и напрягаюсь, чтобы уклониться от удара его меча. Костяшки моего кулака с легкостью находят его плоть, каждая его атака лишь усиливает мою неудовлетворенность, а не гасит ее.

Облегчение, которое поглотило меня в чайном доме, когда я узнала, что Кендара еще не назвала имени своего будущего подмастерья, сейчас невозможно восстановить. У меня и без того достаточно проблем помимо этих солдат, вставших на моем пути и прибавивших мне неприятностей.

Мой соперник кашляет, когда я со всей злости ударяю его по ребрам. Нет, я злюсь вовсе не на солдата, им просто не повезло оказаться здесь и сейчас передо мной. Мой кулак встречается с его мясистым брюхом, а мой локоть – с его челюстью, шквал атак наполняет гневом и страхом и глубоким возмущением.

Если я не докажу Кендаре, что до сих пор заслуживаю место рядом с ней, то не только потеряю свое будущее в качестве Тени, но потеряю и Кендару. Потеряю Саенго. Потеряю Эвейвин, свой родной край.

Я уклоняюсь от солдата и его колющего удара мечом и тут же хватаю его за запястье, а затем дергаю, выгибая его руку в неестественное положение. С громким воплем солдат роняет свое оружие. Другая его рука моментально хватается за кинжал, ножны которого прицеплены к его поясу.

Зажимая его руку у него за спиной, я прижимаю свой большой палец к его среднему пальцу, сгибая его назад, прижимая к костяшке, пока солдат снова не начинает вопить.

– Бросай нож, – требую я, кидая быстрый взгляд на Саенго, чтобы узнать, как она справляется. Она раздобыла где-то внушительных размеров ветку и теперь искусно лупит суком по ребрам своего обидчика. Третьего солдата я не вижу.

– Ты труп, шаманка, – стонет татуированный. По его губам течет кровь, и половина его лица уже начала опухать.

Отчасти я понимаю, что мои атаки были беспричинно жестокими, но по большей части мне все же плевать. Теперь плевать.

– Я вырву твои отвратительные глаза! Я перережу тебе...

Я выворачиваю его палец еще больше. Его угрозы растворяются среди неразборчивых криков и воплей.

– Бросай нож, – повторяю я. Каким-то неведомым образом мой голос сохраняет спокойствие. Но это ложь.

Вместо того чтобы подчиниться, он наугад тычет клинком в меня. Кость на его среднем пальце ломается с характерным приглушенных щелчком. Взыв, он роняет кинжал.

– Позволь нам уйти, и я позволю себе оставить другие твои пальцы нетронутыми, – говорю я, выворачивая ему руку достаточно сильно, чтобы вновь привлечь его внимание. Возможно, если бы Саенго успела сказать, к какому роду она принадлежит, этого было бы достаточно, чтобы убедить их оставить нас в покое, однако Гильдия вполне может найти способ уберечь дом Панг от позора, и мне совсем не хочется, чтобы все узнали, что Саенго впутана в эту некрасивую историю. Если я могу защитить ее, то непременно сделаю это.

– Отпусти его, шаманка!

Я поднимаю голову. Третий солдат, похоже, сбежал, чтобы вытащить лук, потому что теперь его стрела наготове и указывает Саенго точно в грудь. Саенго, собирающаяся врезать своему противнику по лицу, замирает. Щека лучника разодрана и истекает кровью, тоже расцеченная, видимо, от удара веткой Саенго. Другой солдат поднимается, тяжело дыша, весь красный, хромя на правую ногу. Рука солдата дрожит, когда его меч указывает на Саенго.

«Если они ее покалечат, – решаю я, – то мне не важно, эвейвианский ли это солдат или нет. Я убью их всех».

Глаза Саенго замирают на лучнике и его стреле. Она могла бы расправиться с ними тремя за несколько секунд, если бы этот лук был в ее руках. Но лук не в ее руках, так что я отпускаю татуированного, бесцеремонно оттолкнув. Тот теряет равновесие, шатаясь, баюкая свой сломанный палец, как младенца, и прижимает его к своей груди. Затем ворчит и отходит от меня.

– Свяжите ее!

Лучник по-прежнему держит свою стрелу нацеленной на Саенго, пока другой солдат исчезает за деревьями. Значит, их дрейки где-то неподалеку, потому что он вскоре возвращается с длинной веревкой. Я злое ему улыбаюсь, когда он подходит ко мне, наслаждаясь тем, как он сомневается и колеблется, однако позволяю дернуть себя за руки и связать мои запястья у меня за спиной. Грубая веревка врезается мне в кожу, браслет из тролличьей кости впивается в руку.

Привязанный к дереву рядом, Яндор мечется и рычит. Его когтистые лапы вспахивают землю, полосуя почву, пока он пытается высвободиться от сделанной Саенго упряжки. Я лишь надеюсь, что поводья его сдержат на месте. Хотя дрейки знамениты свой пылкостью и рвением в бою не меньше, чем их наездники, лучник может с легкостью сменить свою цель. Я не вынесу, если Яндора застрелят.

– Вы еще об этом пожалеете, – легким голосом говорю я, что совсем не вяжется с чувством в моей груди, где сердце готово вырваться сквозь ребра.

– Ну, я в этом сомневаюсь, – татуированный нагибается, так что его горячее дыхание опускается на мою щеку. – Как шаманы, так и дезертиры достойны лишь одной участи – встретить свою кончину от клинка.

Солдат за моей спиной в последний раз сильно дергает узел на моих руках, злобно проверяя тот на прочность. Затем пинает меня ботинком в спину. Мои ноги подкашиваются, а колени врезаются с резким ударом в землю. Татуированный сердито следит за мной, вероятно, надеясь, что я упаду лицом в грязь. Он все еще прижимает свою руку со сломанным пальцем к груди, изуродованный палец торчит под неестественным углом.

Я улыбаюсь, и он дает мне пощечину. Боль пронзает мои челюсти. Удар едва не сбивает меня с колен, но мне все же удается поймать равновесие.

– Ты должна молить о пощаде, – грубо говорит он, а затем лепит мне вторую пощечину. Мои зубы прикусывают изнутри щеку, и привкус крови разливается по рту. Я притворяюсь, будто покачиваюсь от отвращения, чтобы скрыть движение моих рук. Бывала в передрыгах куда похуже этой.

Вздернув голову, я откидываю выбившиеся пряди из своей косы с лица и подальше от глаз. Сплюываю кровь прямиком на ботинки солдата. Его лицо перекашивается от гнева. Есть некая свобода в неповиновении, в том, чтобы выбираться из всех оков, рушить всеобщие ожидания. Однако я с радостью наложу на себя все эти оковы добровольно, если они помогут мне вернуть мое заслуженное место рядом с Кендарой.

Солдат наклоняется и подхватывает с земли свой кинжал. Прижимает холодное лезвие к моему горлу, прямо под челюстью с левой стороны.

– Где же твой фамильяр, шаманка?

– Поди сгнил и сдох, – предполагает другой солдат. – Она до сих пор ни разу не воспользовалась магией. Нет фамильяра, значит, нет и магии.

Когда я ничего не отвечаю на это, взгляд татуированного перемещается обратно на меня.

– Мне следует ее убить. Королева Мейлир может даже даровать мне какой-нибудь титул за такой подвиг.

Солдат, что связывал мне руки, смеется, однако лицо стрелка выглядит так, будто он чувствует себя неуютно от этого колкого комментария. Я продолжаю гордо держать взгляд татуированного, не моргая. Интересно, что он видит в моих янтарных глазах, которые теперь сияют, как драгоценные камни? Но что бы там ни было, это его нервирует, потому что я замечаю, что его рука с кинжалом едва заметно дрожит. Мою кожу жалит, когда лезвие рассекает кожу. Я улыбаюсь еще шире, обнажая свои зубы, по которым размазалась кровь от прикушенной щеки.

Страх зарождается внутри меня, угрожая улыбке на моем лице. Однако каким-то образом я вдруг понимаю, что это вовсе не мой страх. Я не боюсь. Во мне мечется злость, горькая, уверенная, всепоглощающая. Но мне не страшно – по крайней мере солдаты меня не пугают. Ощущение больше похоже на эхо от эмоций, недостаточно сильное, чтобы по-настоящему сформироваться внутри меня.

Саенго кричит:

– Оставьте ее в покое!

Все трое солдат поворачиваются к ней. Хотя я бы и предпочла, чтобы их враждебные взгляды были прикованы ко мне, я тут же продолжаю развязывать свои руки. Уже сбилась со

счета, сколько раз Кендара привязывала меня и бросала в каком-нибудь странном месте, так что это легко.

Несмотря на то что татуированный наблюдает, как его товарищи круговыми движениями, точно хищники, приближаются к Саенго, его клинок остается прижатым к моему горлу. Лучник же забывает о своем луке, чтобы немного развлечься, и его пальцы дергают за перья в косе Саенго. Ее губы кривятся с отвращением, когда третий солдат наматывает косу Саенго на свою руку и грубо дергает ее голову. Гнев – и то неопределенное эхо ее страха – вскипают внутри меня.

– Виверн, не так ли? – спрашивает солдат. – Как только мой друг разделается с шаманкой, ты отправишься с нами, заклеименная как предатель. Ты не заслуживаешь свою косу. – Он делает шаг назад, но небольшой, достаточный лишь для того, чтобы взмахнуть мечом и отрубить Саенго косу.

Испуг Саенго нахлынывает на меня, когда ее рот раскрывается в безмолвном вопле. Она протягивает руку, ее пальцы с ужасом замирают, когда прикасаются к обрубленным кончикам волос.

– Не обязательно было это делать, – говорит лучник, и его лицо искажает гримаса. Татуированный же закидывает голову и отвратительно хохоча.

Холод разливается по моему телу, весь мой ураган эмоций снова обращается в лед.

Веревка, связывающая мне руки, падает на траву. Я хватаю татуированного за запястье, отдергивая кинжал на безопасное расстояние от своего горла. Его голова поворачивается точно в момент, когда я бью его лбом по лицу. Его нос хрустит, он падает на землю. Я выдергиваю нож у него из ножен, вжимая его здоровую руку в землю и пронзаю ее, приколачивая к почве.

Все это занимает у меня не больше секунды. Он кричит, но я уже несусь на двух оставшихся солдат. Тот, что обрубил косу Саенго, кидается на меня, вытаскивая свой меч. Я ударяю костяшками пальцев по его глотке до того, как меч еще оказался в воздухе для удара. Солдат издает сдавленный хрип и падает. Лучник тянется к тому месту, где он оставил свой лук со стрелами, но уже слишком поздно. Я успеваю быстрее, ставя ногу на деревянный обод лука и с хрустом разламывая тот напополам.

Затем поднимаю меч, который уронил татуированный. Мои глаза пробегают по обрубленным кончикам волос Саенго. Ее коса и перья значили для нее куда больше, чем просто статус. Они служили признаком ее неповиновения, ее отказа соглашаться с требованиями отца и отказа выполнять долг, который на нее возложили. Одним безжалостным взмахом они отняли у Саенго все, чего она добилась за последние четыре года.

– Подожди! – кричит лучник, его глаза в панике мечутся между мной и его обездвиженными товарищами. – Королева Мейлир запрет тебя...

Стрела проносится в воздухе и вонзается в землю между нами. Изумленная, я отшатываюсь, моментально узнав черно-серебряное оперенье стрелы. Королевская стража.

– Прекратить!

Я вздрагиваю от этого голоса, нервно втягивая сквозь стиснутые зубы воздух в легкие. Несколько блейдов выбегают из Леса под предводительством знакомой мне фигуры – принца Мейлека Санкора, капитана королевской стражи и младшего брата королевы.

Глава 5

Спустя несколько мгновений нас окружает с полдюжины наездников с луками, стрелы которых нацелены на нас.

Принц Мейлек выходит из круга своих блейдов. Я тут же падаю на одно колено, кланяясь так низко, что мой лоб касается его штанины. Когти его скакуна впиваются в мягкую почву, когда тот подходит. На свой страх и риск я все же бросаю на него быстрый взгляд сквозь ресницы. Олень с тремя рогами, эмблема рода Санкоров, красуется на груди его черных доспехов. Золотая заколка удерживает его черные волосы у короны на его голове, орнамент на заколке служит признаком принадлежности к королевской крови.

Его взгляд изучает обстановку, давая мне время осознать, как все это выглядит со стороны. Как нам теперь выбираться из всего этого?

Принц Мейлек подталкивает своего скакуна вперед, по его лицу невозможно прочесть, о чем он думает. Солдат, которого я ударила по горлу, тоже припал на одно колено, преклоняясь. Он едва тихо стонет, что приносит мне маленькую крупицу злорадного удовлетворения. Как и вид татуированного, который валяется лицом вниз, уткнувшись в траву, поскуливая.

Принц говорит, обращаясь к солдатам:

– Поднимайтесь и проваливайте обратно в долину. Я разберусь с вами позже.

Они спешат подчиниться, останавливаясь ненадолго лишь для того, чтобы оторвать татуированного от земли. Он кричит от боли, когда его несут.

Когда все трое уходят, принц Мейлек смотрит на макушку склоненной головы Саенго, а затем на ее косу, валяющуюся рядом. Наконец его карие глаза опускаются со всем своим вниманием на меня. Я поспешно опускаю взгляд. Неприлично смотреть прямо в глаза члену королевской семьи.

– Встань, – приказывает он мне.

Напрягаясь от боли, я медленно поднимаюсь на ноги. Держу украденный меч опущенным в своей руке. Стрелы его блейдов по-прежнему нацелены на меня.

Он сидит верхом на своем драгуле, чешуя которого переливается, как жемчуг, так что мои глаза оказываются примерно на уровне его бедра. Два пояса, указывающие на высокое положение, завязаны вокруг его талии сложным эвейвианским узлом.

Принц Мейлек больше ничего не говорит. Я не знаю, как он поведет себя, будучи в роли капитана, а не принца. И хотя он всего на два года старше меня, как руководителя Гильдии принца, я часто видела его за те годы, что провела там. До сих пор помню, как его уверенная рука помогала мне правильно поставить меч во время сложных пируэтов и как он ободряюще кивал мне перед экзаменом.

Помимо Саенго он также является одним из немногих, кто знает, что я являюсь ученицей Кендары. После того как я закончила Гильдию принцев, мы по большей части пересекались лишь у дверей мастерской Кендары. Тем не менее после всех тех лет, что я его знаю, я ни разу не стояла перед капитаном королевской армии. Я понятия не имею, чего мне от него теперь ожидать.

– Офицер заявил о двух пропавших вчера вивернах, – наконец произносит он.

Я ничего не отвечаю. Мы вряд ли можем возразить на то, что пренебрегли своими обязанностями и покинули свои посты во время доставки припасов, однако я не стану признавать свою вину. Вместо ответа я медленно провожу языком по разбитой изнутри щеке, снова пробуя кровь на вкус.

– К тому же, – продолжает принц Мейлек, – сокол с неприятными новостями прибыл сегодня поздней ночью. Талонский чайный дом сгорел дотла и, как утверждается, из-за атаки шаманов.

Чтобы добраться до нас так быстро, он, очевидно, прибыл напрямик из долины Крайнес. Он должен был быть там, когда наша делегация с провизией должна была прибыть.

Саенго рядом со мной таращится на свои ботинки. Ее ноздри раздуваются при каждом вдохе. Она, как и я, побаивается его, однако за этим чувством скрывается скорее беспокойство, чем страх.

Не знаю, как могу это знать, но понимаю, что беспокоится она по большей части за меня. Уверена в этом так же, как и в том, что солнце сядет на западе, что листья осенью опадут, что прошлой ночью Саенго умерла. До этого, пока я сражалась с солдатами, думала, может, эти эмоции остались со мной после увиденного бездыханного тела Саенго, но теперь понимаю, что это вовсе не так. Ее эмоции горят тихо, но уверенно, как пламя свечи. Я ощущаю их тепло, ощущаю, как они колыхнутся, и вздымаются, и колеблются, мне даже не нужно прикасаться или смотреть на нее, чтобы знать.

Эта новая связь с Саенго меня пугает, вероятно, даже больше, чем тот факт, что мы окружены блейдами, готовыми убить нас по команде своего капитана.

– Саенго Панг, – говорит принц Мейлек, отчего Саенго напрягается в позвоночнике. – Твой двоюродный брат Джонья Тао был найден при смерти рядом со сгоревшим чайным домом. – Его взгляд опять перемещается на меня. – И владелица дома заявила о девчонке, описание которой подходит под твое, Сирша Ашвин, сказав, что та прибыла незадолго до атаки. Однако вместо того чтобы незамедлительно возвращаться в Вос-Тальвин, чтобы указать на преступление, ты сбегашь. Что я должен думать?

Его голос звучит так, будто он уже принял решение. Хотела бы я видеть выражение его лица.

– Мне нужно увести вас с собой для дальнейшего допроса.

– Те шаманы на нас напали, – произношу я, цепляясь за свою наглость. – Мы едва выбрались оттуда живыми. – Я указываю на валяющуюся кучей рядом с Яндором одежду, которую сменила до этого. – Ваше высочество, – добавляю я поспешно.

Принц Мейлек говорит добродушно:

– Если это и правда так, то вам совершенно нечего бояться.

Мне есть чего бояться, но я лишь резко киваю подбородком. Он должен понять, что я имею в виду.

Я бы предпочла порку от офицера вместо его бестолкового обещания. В Гильдии по крайней мере понимала, где мое место. Но рядом с принцем Мейлеком меня выводит из себя его спокойная манера общения, потому что понимаю, что нельзя доверять словам. Он умеет успокаивать людей, но я прекрасно осведомлена о его тактике. Никогда не умела делать это так же легко, как он.

Принц Мейлек выбирается из своего седла и спрыгивает на землю. Мои пальцы рефлекторно сжимаются крепче вокруг рукоятки меча. Силой воли заставляю себя расслабиться, заставляю себя держать меч опущенным вниз. Как Тень, я бы пожертвовала своей жизнью ради него. В конце концов, он все еще мой принц. Однако умереть, защищая его, вовсе не то же самое, что преклонить голову и передать свою жизнь в его руки.

– Вам никто не причинит вреда, если вы невиновны, – он указывает на мой меч. – И если ты отдашь мне свой клинок и больше не будешь калечить солдат.

– И почему вы станете верить моим словам?

– Потому что ты верила моим когда-то.

Мою грудь сдавливает от воспоминаний. В свой второй год обучения в Гильдии принца, когда мне было двенадцать, офицер хлестнул меня палкой по рукам за то, что я была так глупа и осмелилась одержать верх над ним в тренировочном поединке. Я не могла держать в руках меч несколько дней. Принц Мейлек обнаружил меня у фонтана в парке, сжимающей свою раненую руку. Он развернул измазанную кровью повязку и обмыл мои костяшки с такой заботой, какую я вряд ли когда-то забуду.

– Я прикажу, чтобы офицера сняли с должности, – пообещал он тогда.

Сейчас, когда пятеро стрелков держат свои стрелы наготове, целясь в мое сердце, принц мог бы с легкостью приказать нам идти за ним и доставить нас прямиком к королеве. Вместо этого, однако, он выбрал путь дипломатии. Пусть он и показывает себя как человек чести, однако годы опыта и обучения у Кендары позволили мне уяснить, что у каждого есть своя личная, тайная цель.

И все же я не знаю, что еще делать, кроме как сдаться и ждать, когда появится подходящая возможность. Меч выпадает из моих пальцев, ударяясь о землю с глухим металлическим звуком.

Принц Мейлек дает знак своим блейдам, которые послушно убирают свои луки и стрелы.

– Они не станут сбегать, – говорит он, и в его голосе слышится предостережение, принадлежащее капитану. – Не так ли?

Я скрещиваю руки.

– Сбегать некуда.

– Хорошо. Погоня бы испортила утро и мне, и тебе.

Принц Мейлек позволяет нам закончить собирать свои вещи. Блейды отходят, что дает мне возможность поговорить с Саенго. Как только мы забираемся в свои седла, то отправляемся сквозь деревья, скача в две линии.

Несмотря на то что Саенго скачет позади меня, мне не нужно видеть ее, чтобы убедиться в ее безопасности. Связь между нами поддерживается даже сейчас, пламя ее беспокойства не переставая жжет мне спину. Мои пальцы сильнее сжимают поводья Яндора. Что же я с ней сделала? С нами сделала?

Яндор издает гортанное ворчание, негодуя от моих тревог. Я глажу его по шее, успокаивая, хотя это движение помогает успокоить и мои собственные мысли.

Теперь, когда я не нахожусь в опасности быть моментально застреленной из лука, я изучаю густые заросли этой части леса, которые могли бы послужить мне в помощь. К сожалению, пока принц Мейлек путешествует с нами, мои возможности ограничены. И я не могу рисковать, вынуждая Саенго оказаться посреди моего поля боя. Не стану совершать одну и ту же ошибку дважды.

Мысленно я вздыхаю и перевожу взгляд на своих стражников и их скакунов. Никогда не видела драгулей так близко прежде. Драгули, как и дрейки, являются двуногими подвидами драконисов.

Каждая деталь драгуля принца Мейлека намекает на его статус. Его чешуя белоснежная, с переливающимися розоватыми вкраплениями. Его голова широкая и шипастая, а нос короче, чем у дрейков. Золотые доспехи покрывают его тело, начиная от места на носу над ноздрями, переходя на лоб, а затем опускаясь на шею. Четыре сияющих черных рога закручиваются над его головой, тоже раскрашенные золотистым узором, который роскошно сочетается с его обмундированием. Свирепых помощников в бою и символ высокого статуса – драгулей – получают в свое распоряжение лишь рейвины и блейды, элитные войска Эвейвина.

Я задумываюсь, удалось бы Яндору вообще сбежать от них или драгули быстрее? Дрейки крупнее, не такие изящные, однако у Яндора нет груза в виде помпезных доспехов.

– Блейды, – бормочу я, тихо фыркая.

Принц Мейлек косится на меня, а затем снова на блейдов.

– Согласен, они могут вести себя порой весьма угрюмо, но что именно тебя так раздражает?

Я опускаю голову. Не планировала, чтобы он услышал.

– Дело в мантиях? – он поправляет свою собственную, и материя вьется позади него, наполненная воздухом. – На самом деле очень неудобно, но идеально подходят для драматичных моментов.

В любой другой ситуации я бы засмеялась. Однако теперь я лишь хмуро гляжу на деревья перед нами.

– Простите меня, ваше высочество. Я просто задумалась кое над чем.

– Что ж, поделись со мной.

– Владелица чайного дома должна была сказать вам, что прошлой ночью к ней пришли трое шаманов, но нашли тела только двоих. В компании из пяти блейдов и трех солдат вашей главной задачей должны быть поиски и поимка шамана, который сбежал, а не двоих четверокурсников.

Он поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня, раздумывая.

– Теперь я понимаю, почему Кендара так тебя нахваливает.

При упоминании имени Кендары я продолжаю смотреть строго перед собой.

– Неужели?

Эта мысль наполняет меня радостью и опасной, хрупкой надеждой.

– Постоянно. – Его голос звучит смущенно, признавая это, хотя я понятия не имею почему. – У меня такое чувство, что я уже все о тебе знаю.

– Даже я сама не все о себе знаю, – мягко говорю я, вспоминая свое отражение в водной глади и те незнакомые мне глаза. Если Кендара так свободно с ним обо всем разговаривает, она должна безоговорочно ему доверять.

Однако это меня не удивляет. Когда принц Мейлек и Кендара находятся рядом, лицо и голос Кендары смягчаются так, как никогда не смягчались при мне. Наверное, я мало слышала, как матери разговаривают со своими детьми, но достаточно, чтобы понять, что между Кендарой и Мейлеком связь подобного рода.

Я всегда завидовала ему, потому что он получает такую теплоту от Кендары, когда я с трудом могу заслужить от нее доброе слово. Бывали времена, когда думала, что она меня любит, но она всегда быстро разрушала эти глупые подозрения. В день, когда я начала свои тренировки у нее, подарила ей букет цветов, что, как я надеялась, будет с моей стороны жестом уважения и знаком благодарности.

«Мы не друзья, – сказала она мне тогда, выкинув букет с перил своего балкона. – Мы не семья». Я больше не была ни ребенком, ни студентом, ни даже девочкой. Если я хотела

добиться успеха, то должна была стать Тенью, незримо тянущейся в преддверии ночи. А если необходимо, то и кинжалом, смертельно жалящим во тьме.

С того самого момента каждый шаг, который я предпринимала, был моим шагом к заветной цели.

Теперь же, если я не смогу найти способ закрепить свое место рядом с ней, снова стану никем. Не солдатом. Не Тенью. Опять просто девчонкой, у которой даже нет настоящего имени.

– Раз уж ты доказала, что являешься отличным наблюдателем, поведай мне: что ты думаешь об этой атаке? – спрашивает принц Мейлек.

Я сжимаю губы, раздумывая, что – если вообще что-то – сказать. Учитывая его теплые отношения с Кендарой, не могу придумать причины, по которой не могу сказать ему, что шаманы были намерены убить Тень. Кроме того, в моих же интересах заручиться его доверием и доказать, что я не была к этой атаке причастна.

Я рассказываю ему о шамане со скрещивающимися мечами.

– Она должна знать, что это была ловушка.

– Я сделаю все, чтобы ее оповестили, а также приму меры, чтобы ее защитить.

Я киваю, соглашаясь. С Кендарой все будет в порядке. Помимо арсенала оружия, что она хранит в своей башне, она никуда не ходит без своих любимых клинков, прикрепленных к ее поясу, – два меча, которые она никогда не позволяет мне трогать. Она даже дала им имена: Суриаль и Нийя, в честь солнца и луны.

– Шаман либо украл брошь у истинного информатора, либо обманул королеву и собирався устроить засаду во время встречи с самого начала. – Вероятно, предпринять попытку ослабить власть королевы тем, что убил бы ее лучшего шпиона и наемного убийцу. – Вам уже удалось его допросить?

Когда между нами повисает молчание, я искоса гляжу на подбородок принца. У него светло-бронзовая кожа теплого оттенка, мощная челюсть и полные губы. Когда он был еще в Гильдии, эти губы почти всегда были сложены в улыбку. Теперь же, несмотря на то что выражение его лица остается беспристрастным, его сомнения подталкивают меня на мысль.

– Вы его не поймали, – гнев и изумление сдавливают мне грудь. Мои руки сжимают поводья Яндора. Почему блейды покинули земли чайного дома и двинулись на юг, если до сих пор не нашли шамана? Учитывая, что тот, скорее всего, попытается сбежать в империю, им нужно быть на севере, никак иначе.

– Я отправил поисковую команду блейдов на север, – объясняет принц Мейлек. – Но также не могу исключать возможность того, что он отправится на юг, в Вос-Гиллис. Огромный портовый город, где можно легко исчезнуть. Я отправил остальных вперед без меня, но, когда о вас с Саенго позаботятся, снова отправлюсь на поиски. Возможно, его уже даже поймали.

Возможно, но не гарантировано. Мысль о том, что шаман может сбежать, выводит меня из себя. Хуже того, я даже ничего не могу с этим поделать.

Солнце уже садится, и тонкая полоска озаряет подножие леса перед нами. Дорога не так давно начала уходить вниз, что означает, мы уже недалеко от окраин Коралловых гор. Мои мысли мрачнеют все больше по мере того, как мы идем дальше. Я не знаю, как мне выбраться из этой ужасной ситуации.

– Тебя ранили? – внезапно спрашивает он.

Мои плечи выпрямляются.

– Я в порядке, ваше высочество.

– Твоя шея напрягается каждый раз, когда твой дрейк делает резкий толчок, – говорит он. Мне интересно, почему он так внимательно за мной наблюдает. Наверное, понимает, что у меня в голове все еще зреют планы побега. – Но ты хорошо это скрываешь.

Все это время я намеренно держала выражение своего лица настолько беспристрастным, насколько могла. Он, должно быть, невероятно талантлив в чтении чужих эмоций. Я не отве-

чаю на его обеспокоенное замечание, и не важно, было ли то искренним или нет, принц не донимает меня дальнейшими расспросами.

После долгого времени, которое кажется как несколько бесконечных часов, он оглядывается через плечо и обменивается со своими блейдами взглядом, который я не могу разгадать. Через минуту наша дорога делает крутой поворот и стремительно уходит вниз. Я едва успеваю затаить дыхание, чтобы не вскрикнуть от боли, вызванной резким скачком. Хватаю Яндора за поводья, чтобы он приостановился. В ту же секунду двое блейдов скачут вперед, чтобы меня окружить.

Я знаю, что это за место, хотя была здесь всего один раз. Даже окружающая нас дикая природа не может скрыть колющий запах тюрьмы и вонь отчаяния. Перед нами открывается вид на долину Крайнес.

– Почему мы пришли сюда? – тихо спрашиваю я. Боюсь, что, если спрошу хоть чуточку громче, принц уловит ноты тревоги в моем голосе. – Я думала, вы ведете нас обратно в Вос-Тальвин.

Он протягивает руку, чтобы взять мои поводья.

– Моя сестра не позволяет входить шаманам в столицу по любой причине, кроме одной.

Публичная экзекуция. Мой страх возрастает, усиливающийся от опасений Саенго, от которых я теперь не могу избавиться. Ее эмоции трансформируются из тепла в жар, а потом в огонь, пытающийся заглушить мой собственный. Это изматывает, и я хочу сказать ей прекратить, но не знаю, понимает ли она вообще, что делает.

Я опускаю подбородок и закрываю глаза, делаю глубокий вдох. И вот опять эта ползущая по рукам и ногам паника сидит во мне так же уютно, как на гвоздях. Голос Кендары звенит в моей голове: «Всегда будь дисциплинирована. Держи себя в руках. Играй свою роль». – Я делаю медленный, успокаивающий выдох.

– Тебе придется остаться здесь для допроса, – голос принца Мейлека звучит до отворачивания логично. – Пока мы не выясним, что на самом деле произошло в чайном доме.

Играй свою роль. Что ж, хорошо. Это я могу. Пока что. Пусть думает, что заслужил мое доверие. Как только он передаст меня кому-то другому, тогда, вероятно, я смогу придумать подходящий план побега. Я поднимаю подбородок и послушно киваю, давая понять, что не стану возражать и сражаться. Принц Мейлек отпускает мои поводья.

Расположенный между подножиями двух гор и окруженный крутыми склонами тюремный лагерь должен быть идеальной ловушкой, ни шанса на побег. Но это мы еще посмотрим.

Со своей высокой точки обзора я вижу, как долина стелется перед нами. Крошечные хижины стоят рядами у одной дальней стороны. Земля сухая и взъерошенная, изрытая сотнями, а может, и тысячами ног заключенных. Вдалеке толкают тележки, завозя и вывозя их из тоннеля в горе. Работают поодиночке или в группах, носят вещи из леса, воду из родника, который проходит здесь, и камни из шахты. Все, начиная от построек и заканчивая работниками, окутывает тяжелая пыль.

Неуверенность запускает корни в мое сердце, но я заставляю себя продолжать смотреть. Единственное, что выглядит здесь живым, это небольшие садики около хижин, ряды политой земли, где начали всходить побеги. Низкая каменная стена формирует основание территории тюрьмы. Выше же тянутся толстенные железные решетки, которые вдвое выше моего роста.

Принц Мейлек ведет нас вперед, к тусклому серому зданию с огромными воротами, у которых я, к своему ужасу, нахожу делегацию, которую мы с Саенго вчера бросили. Хатчлеты уже построились и водрузили свои рюкзаки за спины. Виверны еще не забрались на спины своих дрейков и толпятся у пустой телеги и офицера Болдиса. Рядом с ним охранник, одетый в темно-зеленую с серебром униформу эвейвианской королевской армии, однако они прекращают свою беседу, чтобы вытаращиться на нас.

Узнав меня, офицер Болдис меняется в лице, и его удивление быстро превращается в самодовольную ухмылку. Жуткое желание ударить его кулаком по лицу пожирает меня, несмотря на все мои мысленные попытки держать себя в руках. Все равно в конечном итоге это я смотрю на него с удовлетворением, когда передаю ему поводья своего дрейка, и он видит изменившийся цвет моих глаз. Его румяная рожа бледнеет, а рот раскрывается сам собой.

Я одариваю его кривой улыбкой, наслаждаясь его шоком. По крайней мере пока мой взгляд не перемещается на хатчлетов и сопровождающих их вивернов. Они тоже замечают мой новый цвет глаз, и их перепуганные взгляды становятся для меня неприятным напоминанием того, как во мне все изменилось. Я рада, что принц Мейлек уводит меня внутрь здания.

Мы заходим в большой внутренний двор. На противоположной его стороне находятся закрытые железные ворота с острыми наконечниками сверху – единственный вход в тюрьму. За ними земля выглядит как грязное коричневое месиво, окруженное красивыми, но пугающими вершинами гор. Рожденные шаманами неспешно расхаживают по своим делам, их утомленность, словно оковы на шее, притягивают их к земле.

Они сами по себе служат напоминанием того, что случается, когда королева выбирает тебя в число своих личных врагов. Мой желудок скручивает от отчаяния.

Принц Мейлек дергает своего драгуля, заставляя того остановиться во дворе, и выбирается из седла, спрыгивает на землю. Нехотя я делаю то же самое. В ту же секунду двое стражников подбегают ко мне и заключают мои руки в железные оковы, из-за которых браслет из кости тролля вонзается мне в кожу на запястье. Я стискиваю челюсти и мучаюсь от боли, не подавая вида. Единственное, что меня хоть как-то успокаивает, так это то, что принц Мейлек отгоняет их одним взглядом, как только они пытаются нацепить оковы и на Саенго.

– Сколько нам придется пробыть здесь? – спрашивает Саенго, ее отчаяние видно даже без нашей эмоциональной связи. Но с этой связью я чувствую себя так, словно меня утягивает куда-то под воду, с оковами еще и вокруг моих лодыжек.

– До того как я поговорю обо всем с королевой. Хотя Сирше придется остаться здесь, думаю, я смогу отправить тебя в Вос-Тальвин в скором времени.

Саенго втягивает носом воздух, ее взгляд мечется между мной и блейдами, пока какие-то мысли не дают ей покоя. Затем она хмурится и дергает своего дрейка, приглашая того идти вперед, перед тем как слезть с него рядом со мной.

– Я не оставляю Сиршу.

– К сожалению, это не тебе решать, – говорит принц Мейлек, и резкость возвращается в его голос.

Ее гнев наполняет меня, точно шторм, собирающийся внутри, набирающий мощь, силу и скорость. Разрушительность. Я всегда знала, что Саенго лишь на вид спокойна и послушна, что ее покорность и вежливость в Гильдии есть не что иное, как притворство сродни моему. Однако ощущение всей глубины ее недовольства, зарождающегося и разбивающегося словно волна об меня, заставляет понять, как же много Саенго скрывает.

Я поднимаю свои руки. Цепи между оковами звенят, когда я кладу одну ладонь на ее грудь, точно поверх шрама, который теперь красуется поверх ее сердца.

– Со мной все будет в порядке, – я пытаюсь вложить в эти слова всю уверенность, что у меня есть, до последней капли, чтобы она могла мне поверить. – У тебя есть покровительство твоего отца, который может тебя защитить.

Саенго заключает меня в объятия. Я зажмуриваюсь, пока мы прижимаемся друг к другу, окруженные запахом пыли, дыма и отчаяния. Ураган ее эмоций поглощает меня, подкатывая к моей глотке и заполняя легкие. Вместо этого я пытаюсь сфокусироваться на ее руках вокруг моих плеч и делаю вдох, напоминая себе, что я могу вообще-то дышать.

– Ну хватит, – твердо говорю я наконец. – Пока ты еще никуда не уходишь. Соберись, Панг.

Один из блейдов кладет руку на ее плечо, вынуждая нас отпустить друг друга. Двое других блейдов становятся по бокам от меня, пока ведут к заднему входу в здание. И тут же огонек эмоций Саенго ослабевает внутри меня. Мне стыдно, что часть меня рада наконец остаться в одиночестве, один на один лишь со своими чувствами.

Глава 6

Камерой мне служит маленькая металлическая комнатуха с решетчатой дверью, в которой нет ничего, помимо старых следов от огня, что подсказывает: однажды здесь держали шамана-пламенителя.

Когда устаю сидеть, я начинаю бродить по узкому пространству между стенами. Мои оковы на руках скрепили цепью с крюком на полу, которая не позволяет мне двигаться дальше чем на несколько шагов в каждую сторону. Я привязана к нему. Несмотря на обещания принца Мейлека, эти цепи доказывают, что теперь он тоже боится меня.

Я даже не уверена в том, поговорит ли он обо мне с королевой, или же меня будут держать на привязи здесь, пока не останусь без сил и не умру из-за тяжелого труда или голода. Сжимаю зубы. Меня это совсем не устраивает. Я сбегу до того, как позволю подобному случиться.

Когда концентрируюсь, то все еще ощущаю присутствие Саенго поблизости, точно свет свечи в ночной тьме. Это беспокоит, но, учитывая обстоятельства, в то же время и успокаивает. Среди всего этого она мой единственный якорь в штормящем море.

Вся ирония в том, что поначалу я ее презирала, когда только встретила. Когда мы познакомились в первый год обучения в Гильдии принца, когда нам было по одиннадцать. Она всегда держалась в одиночестве и почти ни с кем не разговаривала. Я была уверена: это потому что она считает себя лучше всех остальных. Однажды после того, как я выиграла поединок на мечах у Джоньи, он зажал меня в углу оружейного склада. Он точно сломал бы мне руку, если бы Саенго не вмешалась. Джонья был задирой, но Саенго является будущей главой его рода, а он прекрасно знает, где его место.

После этого Саенго всегда выбирала меня в качестве партнера для поединков. Поначалу мне это казалось подозрительным, но она никогда не беспокоилась о том, что проигрывает. Вместо этого ей нравилось, что я сражаюсь с ней как с равной, и мне нравилось, что она обращается со мной так же. Спустя прошедшие годы я узнала, что единственное, что ее печалит, это то, что она тоже знает свое место. И совсем не желает его занимать.

Чем дольше времени я провожу в своей темнице, тем больше убеждаюсь, что моя возможность сбежать в Вос-Тальвин прошла мимо меня. Королева Мейлир поставит стражу у каж-

дого входа в город, так что невозможно будет туда проникнуть. Я не могу ждать, что Кендара замолвит за меня словечко, учитывая, что она может даже ничего не узнать о случившемся.

Но помимо всего этого, у меня, по крайней мере, есть возможность все основательно обдумать. Теперь понимаю, что не думала о последствиях атаки на Эвейвин прежде как следует. То, как королева обращается с рожденными шаманами, могло сделать отношения между расами куда более напряженными, но их враждебность берет свои корни со времен событий, произошедших сотни лет назад. Учитывая своенравную атаку ньювалинских шаманов на эвейвианские земли, если только паучьему королю не удастся восстановить шаткий баланс, все это может вылиться в настоящую войну.

Мои мышцы скручивает от ужаса. Эвейвианская армия всегда была сильной и хорошо подготовленной, даже в тихие времена. Однако будут ли мои однокурсники-виверны, которые закончат обучение через месяц, и правда готовы к войне? Могу поспорить, самое жестокое, что они предполагают увидеть в своей жизни, будучи солдатами, – это местных мелких преступников, ну, может, еще пиратов или наемников. Война же – это совершенно другой зверь.

Не зная, чего хотели те шаманы, королева может начать обвинять империю, решив, что это ответ на то, как она наказала всех рожденных шаманами за несчастный случай с ее родителями.

Однако, если я смогу узнать истинную причину атаки и предоставить эту информацию королеве, это может как предотвратить войну, так и вернуть мне мое место рядом с Кендарой. Если бы я была Тенью королевы, это была бы как раз та информация, которой мне необходимо владеть в любом случае. Разве есть способ лучше доказать свою верность?

Со вздохом закрываю лицо руками. Какую надежду на успех в этом деле я могу иметь, если не смогла даже остановить одного шамана, который ранил Саенго?

В конце коридора со скрипом распаивается дверь, но мне не видно ее из своей камеры. Проклятия и ругань наполняют воздух, и я узнаю голос татуированного. Секунду спустя дверь захлопывается так резко, что стены моей камеры содрогаются. Перед дверью моей темницы появляется хромающая девушка, худая и взъерошенная, огромное красное пятно уже превращается в синяк на ее щеке.

Стражник снаружи отпирает дверь моей камеры и делает жест, заставляя девушку войти. Его ключи звенят, когда он снова запирает замок следом за ней. Девушка опускает ведро, наполненное травами, связанными в охапку. Затем она выпрямляется, и я вижу, что ее глаза яркого изумрудного цвета. Шаманка. Земельница.

Ее глаза замирают на моих, едва заметно сужаясь. Какая-то эмоция мелькает на ее лице, но исчезает слишком быстро, чтобы ее распознать. Она отворачивается. Понимая, что она тоже здесь заключенная, я не виню ее за подозрительность.

– Ты... – дрожь в ее тихом голосе заставляет меня съеживаться. – Ты и правда...

– Пять минут, – заявляет стражник, обрывая ее.

Она вздрагивает, поджимая губы. И забывает о своем вопросе, когда делает шаг навстречу мне.

– Прежде чем уехать, принц Мейлек попросил меня осмотреть твои раны.

– Ты лекарша?

– Вроде того, – она указывает на свое ведро с травами. – Но я не светосшиватель. Да это и не важно, потому что у меня больше нет фамильяра, – ее голос становится еще тише, однако горечь все равно пронизывает ее слова.

Шаманы не могут воспользоваться своей магией без фамильяров. И хотя я никогда до конца не понимала, как это работает, все равно знаю, что фамильяры являются духами, к которым нельзя прикоснуться и с которыми нельзя связаться без медиума, но только до тех пор, пока те не привязаны к шаману. Тогда они становятся физическими посредниками, соединяющими шаманов и их магию. И я понятия не имею, что все это значит для меня теперь.

Когда-то фамильяры были так же распространены в Эвейвине, как и рожденные шаманами. Когда же долина Крайнес превратилась из цветущего горного оазиса в жуткую тюрьму, фамильяров начали либо убивать, либо сажать в клетки отдельно от их шаманов. Однако те фамильяры вскоре погибли, пораженные болезнью Мертвого Леса. Болезнь, которая затрагивает только фамильяров и от которой нет лечения, появилась несколько десятилетий назад, и ни король, ни верховный магистр не смогли этого объяснить.

Какой бы магической силой ни обладала эта земельница, теперь она не сможет ею воспользоваться. Отчасти, думаю, я понимаю, как угнетает мысль о том, каким потенциалом ты обладаешь и не можешь им пользоваться. Однако не строю иллюзий по этому поводу.

Я намеренно решила сдерживаться и скрывать свои таланты в Гильдии, чтобы добиться чего-то большего. У рожденных шаманами нет такого выбора. Я даже никогда не задумывалась о том, какие страдания выпали на их долю. Никогда не сочувствовала им.

Я киваю на синяк на ее лице.

– Я в порядке. Тебе следует позаботиться о своих ранах сначала.

Она игнорирует мои слова, ее ладони грубые, но умелые, когда они сначала проверяют мои руки, затем мой торс, а потом мои ноги. Я тут же напрягаюсь, и она понимающе вздыхает.

– Мне нужно, чтобы ты сняла штаны, – говорит она.

Я не привыкла к тому, чтобы кто-то другой, помимо меня, заботился о моих ранах и ссадинах, и не знаю, куда деть глаза, когда развязываю шнурок на своих штанах и опускаю их до колен. Сама морщусь при виде своих бедер. Синяки почти черные, окруженные красными полосами и фиолетовыми разводами.

Она наносит на мою кожу тонкий слой мази, которая ускоряет процесс заживления. Наблюдаю, как она сдвигает брови, и гадаю, сколько же ей лет. Девушка выглядит юной. Очень. Четырнадцать, может? Если ли у нее семья в стенах этой тюрьмы? Родители?

– Это тот болван с татуировкой на лбу сделал с тобой такое? – спрашиваю я, когда она переносит свой вес на левую ногу и корчится. – Мне следовало сразу ему руки сломать.

– Это ты повредила ему руки? – улыбка мелькает в уголках ее губ.

– Мне жаль, что тебе пришлось его лечить.

Она пожимает плечами, и ее улыбка исчезает, лицо снова принимает беспристрастный вид. Она обматывает мои бедра чистыми бинтами, чтобы мазь не испачкала мои штаны, а затем снова тянется к своему ведерку.

– У тебя еще что-нибудь болит?

– Нет, – я снова натягиваю штаны на свои панталоны. У меня высокий болевой порог. Когда ежедневно получаешь дозу боли от Гильдии или Кендары, отношения с ней становятся сложными и крепкими.

Шаманка замирает на миг, точно желая убедиться, что я не изменю своего решения, а затем убирает пузырек с обезболивающим, который достала из своего ведерка. Со стороны внутреннего двора доносятся всхрапывания дрейков. Их немного – быть может, два. Слишком мало, чтобы прибыли новые заключенные. Так что мне остается только догадываться, что шаман, который покалечил Саенго, все еще на свободе. Но ему нельзя позволить сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.